

Булат Арсал

18+

ИХТАМНЕТЫ

«Родина Зовёт!» Премия им. А. Т. Твардовского

Булат Арсал

Ихтамнеты

"Издательство "Интернационального союза писателей"

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Арсал Б.

Ихтамнеты / Б. Арсал — "Издательство "Интернационального союза писателей", 2023 — («Родина Зовёт!» Премия им. А. Т. Твардовского)

ISBN 978-5-6050862-0-8

Вторая книга Булата Арсала рассказывает о тяжёлых днях начала специальной военной операции. В этой книге есть всё – тяжёлые военные будни, боль от расставаний и потерь, крепкая мужская дружба, выдерживающая многие испытания, разочарование от того, что не на все вопросы находятся ответы... Надо ли говорить о непростых, подчас мучительных вещах? Нужно ли скрывать правду о войне? «Более того, я глубоко убеждён, что в век глобальной информатизации от общества практически ничего невозможно утаить, а попытки обелить любую неудобную истину находятся на стыке стыдливого лицедейства и бессовестной лжи», – пишет автор. И ему, безусловно, веришь. Потому что правда неудобна, но спасительна. Потому что «среди ада остаётся только быть людьми». И книга Булата Арсала учит этому.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6050862-0-8

© Арсал Б., 2023
© "Издательство "Интернационального
союза писателей", 2023

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Булат Ареал Ихтамнеты

Весь мир не стоит одной капли крови солдата, которая пролита зря.
Александр Суворов

СЕРИЯ

РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

© Булат Ареал, 2024

© Интернациональный Союз писателей, 2024

Предисловие

Когда я приступал к написанию этой повести, некоторые мои однополчане и просто фронтовики донецкой войны предостерегали от соблазна наговорить лишнего или неудобного, что могло бы расходиться с официальной политикой медийных властей, освещающих боевые действия в зоне специальной военной операции, в основном в победных и всегда выигрышных тонах. Мне оставалось прислушаться к этим советам и не следовать им уже только потому, что я никогда не был предателем, тем более если речь идёт о погибших в сражениях товарищах по оружию. Фарисейское ханжество куда преступнее перед лицом правды, какой бы тяжёлой и жестокой она ни была. Более того, я глубоко убеждён, что в век глобальной информатизации от общества практически ничего невозможно утаить, а попытки обелить любую неудобную истину находятся на стыке стыдливого лицедейства и бессовестной лжи.

Трагедия начальной стадии специальной военной операции, когда Российская армия и ополченческие формирования республик Донбасса встретили неожиданное и ожесточённое сопротивление, понеся неоправданно большие потери с первых же дней присутствия на территории Украины, произошла не на пустом месте. Имело ли место предательство в высших эшелонах власти или мы стали свидетелями безграмотного руководства и головотяпства со стороны «большезвёздных» генералов? Пусть на эти вопросы ответят и дадут объективное толкование профессиональные военные, историки и эксперты.

Задача же писателя-фронтовика как свидетеля и участника этих событий – рассказать о трагических судьбах людей, которые по доброй или чьей-то чужой воле оказались в эпицентре кровавого замеса, шли в бой, погибали, попадали в плен, чудом выживали, выполняя зачастую бездарные приказы больших и малых командиров в условиях хаоса и откровенного бардака. Может ли рассказ в не самых победных тонах о Российской армии повлиять на её имидж? Уверен, что нет. Более того, умение критически посмотреть вглубь своих болезней и ставить честный диагноз – это и есть залог здорового иммунитета нации, которая действительно на этой войне не может ни проиграть, ни оставить дело незавершённым.

Я глубоко убеждён и в том, что мы просто обязаны уже сейчас вживить в генетическую память идущих вслед за нами поколений правду об этой войне и её истинных причинах, трагических и победных страницах, дабы уберечь наших внуков в будущем от тех иллюзий и заблуждений, неверных шагов и ошибок, которые вновь поставили нашу страну перед трагическим выбором: она или снова станет великой, или исчезнет в забвении.

Справился я со своей задачей в представленной книге или нет – судить читателю, который сразу должен быть предупреждён, что названия ряда населённых пунктов и некоторые имена героев по просьбе самих же прототипов изменены. В книге умышленно и по известным соображениям опущены номера и наименования частей, а истории, описанные в повести, являются художественной интерпретацией реальных драматических событий.

Пролог

Есть большая разница между солдатским строем призывников армии в мирное время и в период войны, когда плечом к плечу в одной шеренге стоят простые рабочие и директора предприятий, восемнадцатилетние студенты и убелённые сединами отцы семейств, чиновники и служащие, повара и мастера женских причёсок, программисты, журналисты, водители трамваев, таксисты, театральные деятели, среди которых можно встретить и лауреатов, и заслуженных народных артистов. И у каждого за плечами своя мирная жизнь и история гражданки, получившая общее для всех продолжение на войне, объединившей их в одночасье в одно целое, в сплочённую и сомкнутую строем семью, называемую боевым братством. Судьба любого из этих людей достойна внимания уже только потому, что все они прошли страшное чистилище, которое может приготовить человеку жизнь, – войну. Большинству пришлось посмотреть в глаза смерти, побывав в объятьях жуткого страха и леденящего ужаса. Кому-то выпала удача совершить подвиг и вернуться домой с орденами или просто повезло возвратиться живым. Но все они – солдаты, взявшие оружие в руки по приказу Родины. И уже только за это каждый из них достоин гордой и высокой памяти в сердцах будущих поколений.

Бесстрашным солдатам Донбасса, вступившим в последнюю жестокую схватку с неприимым врагом, павшим в сражениях и вернувшимся домой, посвящается эта повесть.

Глава первая

Хмурые дни рядового Могилы

После «вчерашнего», как, впрочем, и каждое утро, гудела черепная коробка, во рту вонючая сухость вязала язык, очень хотелось в туалет, но истощённое длительным запоем тело не слушалось, а деморализованное сознание многолетнего бездомного бродяги предлагало совершить постыдный акт, не вставая с той кучи грязного тряпья, которая давно заменяла ему постель. Всё же он нашёл в себе силы встать и дойти до импровизированного туалета в виде измятого, покромсанного ведра в углу подвальной каморки.

Пошарив в карманах засаленной, обгоревшей куртки и не найдя в них ничего, кроме дыр, он грустно начал осматривать нехитрую мебелировку своего жилища, состоящую из пары пустых, перевёрнутых вверх дном пластмассовых ящиков, украденных со склада соседнего супермаркета, и невесть откуда взявшегося нерабочего холодильника с отбитым названием. Выстроенные рядом разнокалиберные бутылки из-под различных спиртных напитков мало радовали глаз и не поднимали настроения ввиду отсутствия в них даже ничтожнейшей капли столь важной и остро необходимой в эту минуту спасительной влаги. Курить также было нечего.

Рабочий день в городе ещё не начался, и выходить к продуктовому магазину с протянутой шляпой и кислой, полной страдания физиономией было рановато. Ничего другого не оставалось, как пойти в подвал соседнего дома, где проживала чета таких же бомжей, тем более что за ними числился долг размером в пол-литровую бутылку водки. Натянув на голову проеденную молью спортивную вязаную шапочку непонятного цвета, застегнув на куртке остатки пуговичного ряда, он с силой толкнул дверь подвала и покачиваясь выбрался во двор. Внешний вид бедолаги и ошалело бестолковый взгляд не оставляли сомнений, что перед нами индивид, занимающий следующую ступень после простейших корнеплодов на лестнице эволюции. Холодное февральское утро встретило его свежим воздухом и шумом подъезжавшего к остановке дежурного трамвая, который тут же остановился, и из него вышли трое военных с чёрными повязками на рукавах, говорящих об их принадлежности к военной комендатуре. Это обстоятельство не насторожило, а даже обрадовало его, так как встреча с военными всегда заканчивалась «полтинником» в кармане и парой сигарет в придачу. В предвкушении ранней и лёгкой добычи он радостно двинулся в их сторону, заранее придумывая очередную жалостную историю.

– Здравия желаю, мужики, – начал он издалека. – Закурить не найдётся бывшему десаннику и ветерану Афгана?

– Да сколько угодно, – радостно отвечали военные и выдали сразу штук пять сигарет, спросив попутно: – А паспортишко-то есть при себе?

Документов у него не спрашивали уже давненько, и поставленный вопрос скорее изумил, нежели насторожил. Но деваться было некуда, он суетливо полез во внутренний карман куртки и, кряхтя, вытащил оттуда паспорт, аккуратно завернутый в газетную обложку.

– Та-а-ак, – протяжно произнёс старший с погонами прапорщика, внимательно изучая данные украинского паспорта, – Истомин Виктор Александрович, шестьдесят девятого року, русский, уроженец Макеевки Донецкой области Украинской ССР.

– Так точно, – заметно почуяв неладное, дрожа с похмелья и от утреннего холода, он пытался выглядеть непринуждённо. – А что-то не так, командир?

– Так у вас же паспорт просрочен, гражданин Истомин! – вдруг неожиданно громко и жёстко произнёс прапорщик, резко подняв суровый, сверлящий взгляд матёрого голодного волка на обречённую овцу, отбившуюся от стада. – Вы что же, гражданин, не знаете, что фото-

графию уже пять лет назад должны были обновить? Или вам закон не писан? Как нам с вами поступить, Истомин? А ведь в стране военное положение, комендантский контроль, и нам люди со странными документами очень подозрительны. Будем вас оформлять, а там как суд решит вашу судьбу.

Обернувшись к одному из подчинённых, старший приказал вызвать по рации машину для задержанного.

В голове ошалевшего бомжа начали путаться мысли и мучительные поиски вариантов объяснений, но, так ничего и не придумав за короткое мгновение растерянности, он виновато и одновременно жалостно, заискивающе посмотрел в лицо военного и дрожащим голосом, рискующим оборваться в плач, затараторил:

– Командир, родной, не дай пропасть! Богом клянусь, ничего дурного за мной нет! Я просто бомжара и обитаю тут, в подвальчике, один. Никому обиды не делал, никого не обокрал. Менты местные меня давно знают. Хотите – к ним пройдем, там в дежурке кто-нибудь всяко сидит.

Военные переглянулись и неслышно для задержанного перекинулись парой фраз, после чего прапорщик обернулся уже с улыбкой, похожей на оскал всё ещё того же коварного волчары.

– Ну что ж, гражданин Истомин, есть только один вариант не попасть за колючую проволоку лет на пять-шесть за злостное нарушение паспортного режима в период военного положения.

– Согласен я, товарищ командир, шо скажете, то и сделаю. Проблем нема. Только вы уж меня не сажайте, а?

Прапорщик раскрыл офицерский планшет и, вынув из него два бланка, аккуратно вписал в пустые графы полностью имя, фамилию, отчество и дату рождения задержанного и дал ему на подпись. Бедолага трясущимися руками поставил подписи на обоих листках, только вскользь заметив, что на одном бланке сверху была надпись «Повестка», а на другом смог разобрать только два слова: «Предупреждение об ответственности...». Уже отдавая авторучку старшему комендантского патруля и обречённым взором провожая подписанные листки в утробу офицерского планшета, он вдруг понял всю несуразность оказии, в которую влип. Ещё теплилась внутри надежда, что сейчас военные уйдут и он просто убежит, а уже к вечеру поменяет место жительства на подвал в доме другого района, но тут заметил, как к соседней остановке подъехал жёлтый автобус, похожий на привычные городские маршрутки, набитый донельзя пассажирами исключительно мужского пола.

– Ну, вот тебе и решение твоих проблем, гражданин Истомин! – весело, уже почти добродушно произнёс прапорщик и, подведя ошалевшего бедолагу к машине, доверительно продолжил, похлопывая того по плечу: – С сегодняшнего дня у тебя будет новая одежда и обувь на все сезоны, трёхразовое питание и хорошее жалованье. Ты вольёшься в дружный и здоровый мужской коллектив, где тебе дадут автомат и каску с противогазом. – Потом протянул руку для рукопожатия и заключил: – Служи Родине честно, и она тебя не забудет. Глядишь, и паспорт новый выдаст после войны... если повезёт, конечно...

Навернувшиеся на глаза слёзы не позволяли разглядеть лица стоящих позади прапорщика «комендачей», но их смех был до того издевательски громким, что от обиды он не сдержался и обречённо заплакал, стыдливо, тайком вытирая засаленным рукавом лицо, когда пробирался в тесноту набитого народом салона автобуса.

«Вот и сходил на опохмелку», – пришла в голову грустная мысль, только исправить уже ничего было нельзя.

* * *

Донецкий мясокомбинат перестал выдавать на прилавки магазинов мясные изделия задолго до возникновения республики. Там уже несколько лет как был организован мобилизационный пункт, где на конвейерном потоке шёл приём резервистов, которые только успевали заходить группами в горловину проходной, растворяясь в глубине этажей, коридоров и лабиринтов, постепенно загружаясь новым обмундированием, и в конце концов выходили с другой стороны громоздкого сооружения, облачившись во всё военное.

Можно приводить массу аллегорий для более ясного описания данного процесса, но почему-то большинству протоптавших этот, по сути, унижительный конвейер, приходит в голову в основном аналогия с технологическим процессом переработки мяса, когда с одной стороны завозят блеющее, хрюкающее и мычащее стадо, а с другой – вывозят тонны различных сарделек, колбас, окорочков, ветчины и прочей деликатесной вкусности, отправляемой в холодильники универсамов. Может быть, грустное и не совсем удачное сравнение, учитывая, что в нашей истории переодетые в военный антураж люди буквально через несколько дней и даже часов отправлялись не в супермаркеты, а на разгорающуюся с новой силой последнюю битву за Донбасс. И это была уже настоящая мясорубка, перемалывающая жизни и судьбы людей, согнанных в полки и бригады, когда смерть отдельно взятого солдата превращалась в кровавую и холодную трагичную статистику одновременной гибели отделений, взводов, рот и батальонов, а позднее и целых полков вместе с командирами и их штабами...

* * *

Как и обещал прапорщик из комендатуры, Витя получил добротную форму на лето и на зиму, армейские ботинки с высоким берцем, плащ-палатку, пару нательного белья, несколько пар летних и зимних носков, вещмешок с котелком и флягой, каску и противогаз. Долго не раздумывая над дилеммой, сдать ли на хранение гражданскую одежду или выбросить, новоиспечённый боец всё же решил избавиться от наследия бродячей жизни и торопливо, пока никто не видит, запихал ногой старые, провонявшие мочой и табачными окурками пожитки под скамейку.

Выходя наружу, он бросил взгляд на установленное на выходе зеркало и немало удивился своему внешнему преображению. Быть может, впервые за многие годы скитаний и жизни на самом дне социума ему вдруг показалось, что он снова вернул себе нормальное человеческое обличие, и это заметно успокоило душевные терзания, сопровождавшие его с самой посадки в автобус и до приезда в это странное место отправки людей на войну.

После утренних событий, внезапно вторгшихся в привычный жизненный уклад Виктора, вместе с шоком у него стих и похмельный синдром. Очень хотелось есть, но поблизости не было ничего съестного; единственное, что грело душу, – пять сигарет, вручённых патрульными. Ближе к ночи в составе своей команды рядовой Истомин отправился в район комплектования очередного стрелкового полка Народной милиции Донецкой Народной Республики.

Заброшенный интернат на окраине посёлка Ханжонково встретил толпу голодных и уставших резервистов выбитыми стёклами, отсутствием электричества и любых намёков на приличный ночлег. Это немного расстроило бывшего бродягу, так как ещё на подъезде к месту он узрел ряды сарайчиков с небольшими огородами, традиционно находящимися окрест рабочих шахтёрских посёлков и неизменно привлекающими бродячий люд. Одним словом, Витя Истомин в ту ночь спал в куда лучших условиях, нежели три тысячи мужиков, привыкших засыпать в чистой постели под убаюкивающий свет голубого экрана. Поесть ему также удалось...

* * *

Февральское небо, затянутое плотными серыми тучами, грозило разразиться снежным зарядом. Хмурое утро не сулило ничего радостного, и только привезённые ночью полевые кухни, вокруг которых уже суетились истопники и повара, давали надежду на получение горячей каши и кружки сладкого чая. Такого крутого поворота судьбы бывший бродяга не ожидал, хотя где-то в глубине утомлённой души всё же верил и надеялся, что в армии рано или поздно начнут кормить. Но только когда его котелок до краёв наполнила изрядная порция гречневой каши с тушёнкой, он наконец окончательно убедил себя в том, что встреченный накануне патруль был не чем иным, как добрым знаком судьбы, сулившим не просто манну небесную, но ещё и замешанную на говяжьей тушёнке. Ел он жадно, большими порциями отправляя в рот ещё горячую еду, прихлёбывая с шумным хлюпом из солдатской кружки сладкий армейский чай. Когда повар выкрикнул предложение добавки, Витя уже стоял первым в очереди...

В строю отдельного противотанкового взвода, состоящего из двадцати семи разновозрастных мужчин и юношей, Истомин занял место позади командира первого отделения и получил должность «помощник гранатомётчика РПГ-7» (ручной противотанковый гранатомёт), который ещё в Афганистане весело окрестили «шайтан-трубой». Надо сказать, что он является очень весомой добавкой к автомату, и носить это вооружение придётся постоянно, плюс три-четыре «морковки» (небольшие конусообразные осколочно-фугасные снаряды) и заряды к ним. Ручная артиллерия, иначе и не скажешь...

– Какие у кого есть позывные? – спросил новоявленный командир взвода, невысокого роста, со шкиперской рыжей бородкой, серыми весёлыми глазами и атлетическим сложением, со старообрядческим именем-позывным Петер (через «е»).

Из строя посыпалась разноголосица: «Чалый, Кирия, Мэтр, Викинг, Гроз, Селя, Бомба, Бомбалелло, Техник, Лексус, Грек, Семен, Гур, Хома, Борода, Блондин...»

– Могила! – гордо прозвучало над строем взвода.

Буквально все удивлённо обернулись на голос и с любопытством начали рассматривать некогда высокого, но уже глубоко ссутулившегося, с вытянутым пропитым, испещрённым морщинами лицом рядового Истомина, смотрящего невозмутимо прямо перед собой.

– Шо так печально, военный? – спросил за всех Петер явно подчёркнутым суржилом.

– А шо? Я же на кладбище подрабатываю, могилы копаю. Лет двадцать уже, – спокойно и почти с достоинством ответил солдат.

– Этого ещё не хватало! – вскрикнул худощавый, не по возрасту лысеющий Коля Викинг. – Хреновый позывной, некстати, надо поменять.

– Поздно икру метать, – вставил кто-то из строя, – теперь его только так и запомним.

– Могила так Могила, шо пристали? – поддержал командир второго отделения Женя Селиванов. – Ему нравится, а кому не по себе, то у него имя есть. Зовите по имени.

– Могила, а копаешь ты быстро? – спросили из строя.

– Ну, стандартную могилку вдвоём за час-полтора, – с неподдельной гордостью заявил Витя.

– Врёт он всё! – не унимался Викинг. – Вы гляньте на него, это же дед трухлявый! Тоже мне воин! Мы ещё навоюем с бомжом этим! Прислали на нашу голову. Ха-ха!

– А вот зачем же ты человека обижаешь, не зная о нём ничего? – вдруг вступил в разговор самый возрастной из всех бойцов, заместитель командира взвода Чалый. – Ещё неизвестно, что ты за фрукт. Сам-то много навоевал?

От неожиданного отпора Викинг растерялся и только попытался что-то ответить, но Чалый подошёл к нему вплотную и, глядя в упор в глаза, тихо спросил:

– Тебе тридцать лет. Я слышал, что ты хвастал своей боксёрской карьерой. Но почему ты, презерватив штопанный, за восемь лет войны ни разу не пошёл хоть на годик или даже на месяц повоевать за народ и республику? Ждал, пока петух жареный за жопу засадит? Яйца свои вонючие чесал у телевизора? Бабу свою дробил в тепле и уюте? Чего молчишь, писька пороссячья? Больше таких разговоров не потерплю! Понял меня?

Не дожидаясь ответа от потерявшего дар речи Викинга, Чалый сделал шаг назад и уже обратился к Петеру:

– Разрешите обратиться к личному составу?

– Разрешаю, – коротко ответил также ошарашенный командир взвода.

– Пацаны, – чуть волнуясь, начал старый солдат, – во всём взводе кроме меня воевал только Руслан Гроз, и неизвестно, как каждый из вас встретит первые артиллерийские обстрелы. Никто даже на йоту не представляет, как это бывает стрёмно даже через два, три или четыре года войны. Вы ещё оружие не получили, а среди вас уже появились хвастуны и бравые вояки, готовые «рвать врага на куски, как Тузик грелку». Это вам не кино или компьютерная игра. Это война, а там убивают. Вбейте в свои бараньи головы, что вам надо спланиваться в единый кулак вокруг командира и стать настоящими братьями, а братья не обсуждают изъяны друг друга. Я прошёл три контракта в армии ДНР, много лет назад два года отслужил в рядах Советской армии и знаю, что говорю. Кто из вас вообще служил в Вооружённых силах? Поднимите руки.

Поднялось три руки, и одна из них была рукой Вити Истомина – Могила.

– Викинг! Оглянись, посмотри – и пусть тебе будет стыдно! – вскрикнул Чалый, видя, как хвастливый новоявленный призывник с багровыми щеками пристыженно опустил голову, пряча глаза.

Потом Чалый подошёл к Истому и обратился уже к нему:

– Важно не то, как тебя называют, а кто ты на самом деле есть и как себя поставишь. Так что не подведи нас, Витя.

– Так точно, не подведу! – неожиданно для всех отчеканил ответ рядовой.

Да, Витя Истомин когда-то жил жизнью обычного советского гражданина: учился в средней школе, в отведённые традициями годы носил октябрятскую звёздочку, пионерский галстук и комсомольский значок, получил профессию слесаря в профессиональном училище, служил, как большинство советских парней, в армии. После увольнения в запас женился на соседской девчонке, которая в положенный срок родила ему сына. Были работа на металлургическом заводе, планы на будущую жизнь.

Что случилось потом и как Могила оказался среди изгоев и маргинальных элементов, никто не знал, а он был неохоч до рассказов о трагедии своей жизни. Иногда казалось, что он и сам уже не может объяснить истинных причин своего разложения, но оправданий и тем более виноватых в своей депрессии не искал, отвечая на вопросы собеседников коротко и однозначно: «Дураком был».

* * *

У каждого человека своя судьба, и любого из тех, кто находился или прибывал в новое войсковое сообщество, собиравшееся в конце февраля 2022 года в разорённом комплексе бывшего интерната на окраине Ханжонкова, привела своя дорога. Но если с мужиками всё было предельно понятно, то присутствие представительниц слабого пола в военной форме среди тысяч разновозрастных, чаще небритых, временами хмельных и удручённых мужчин было событием, выходящим за рамки привычных правил. Конечно, за восемь лет войны на Донбассе девушка в ушитой по фигурке пиксельной форме со звёздами или лычками на погонах стала явлением обыденным и само собой разумеющимся. Однако в толпе добровольно или прину-

дительно мобилизованных, оторванных от семьи, работы, гаражных собутыльников, любовниц и рыбалки седовласых дядек, восторженных юнцов, озабоченных оборотов, клинических алкоголиков, а также метросексуалов голубоглазая санитарка Настя занимала особое, весьма почтенное, место.

Её заметили ещё на мясокомбинате, где она вместе со всеми переодевалась и получала вещмешок с походными принадлежностями. Среди однообразной толпы обмундированных в новенькую зелёную форму она не сильно выделялась. Разве что предполагаемая пышная грудь, чуть заметная под мешковатой курткой талия и маленький рост выдавали в ней солдата немужского пола. Когда же Настя вдруг стянула вязаную форменную шапочку и по плечам рассыпались прямые русые волосы, стоявшие вокруг «мобики» ахнули, и началось тотальное подкатывание в виде конфеток, шоколадок, яблочек и осторожно-непристойных шуточек:

- Как же такую красоту муж на войну отпустил?
- Я бы согласился раненым побыть у такой сестрёнки!
- Медсестричка, а можно к тебе медбратиком устроиться?
- Ты ей глазки-то не строй, ты ей попку настрой – она тебе укол всадит!
- Ага! Клизму она ему всадит! Вся дурь через задницу вылетит!
- Дочка, померь давление, а то у меня рядом с тобой кругом голова ходит!

Настя поначалу смущалась, рдела и скромно хихикала в ладошку. Позже стала что-то отвечать, но в целом не обижалась. Да кто бы посмел даже подумать оскорбить её в такой ситуации, когда по чердакам, огородам, на выселках уже начали прятаться от мобилизации яйценосные особи призывного возраста, а тут простая девушка, ещё не побывавшая замужем, не рожавшая детей, стоит в полевой военной форме и готовится уйти туда, откуда многим вернуться уже не суждено никогда. Это ли не подвиг сам по себе, не пример настоящего самопожертвования ради спасения будущих однополчан на поле боя? Так думали все, а потому всякий считал своим долгом подойти и шепнуть ей на ухо: «Настюха, если кто обидит – мы за тебя любого на лоскутки порвём!»

Конечно, каждый батальон желал ей попасть именно к ним. Бывало, прямо из строя не стеснялись выкрикивать: «Эту девушку в наш батальон! Она нам талисманом будет! Мы её замуж выдадим за первого героя!» И как же радостно было узнать парням противотанкового взвода под командованием Петера на последнем построении перед отправкой, что Настя зачислена медсестрой медицинского взвода в роту управления их батальона.

Позже ребята узнали, что она добровольно приехала из Горловки, где работала медсестрой в психиатрической больнице. За плечами – школа при детском доме, медицинское училище, работа на одном и том же месте и жизнь на мизерную зарплату в маленькой хрущёвке на первом этаже, что досталась от давно умершей бабушки. В общем, самая «подходящая кандидатура» для городского управления здравоохранения, чтобы исполнить «под козырёк» распоряжение Минздрава ДНР: «Послать на фронт самых достойных медицинских работников» в таком-то количестве.

Исполнили. Всех бывших детдомовских, незамужних, бездетных, без роду и племени, чтобы потом не перед кем было стыдливо прятать глаза за преждевременно и безвинно убитые души молодых девушек. За них просто некому заступиться, им не оставили выбора. Теперь за Настю и её подруг с похожей судьбой в других полках и батальонах готовы были на всё тысячи бойцов, как за родную сестру, любимую женщину или будущую мать. Может быть, это как раз и есть их судьба, проложившая жизненный путь по разбитым фронтовым дорогам и залитым кровью операционным полевым госпиталей? Кто знает, какое счастье или горе ждёт их впереди? Как же хотелось надеяться, что этой девушке не доведётся увидеть самое страшное и впереди её ждут семья, дети.

Разве не для этого Бог создал женщину?

* * *

В ожидании отправки на фронт батальоны полка без дела не сидели, занимаясь то перетаскиванием из помещения в помещение разнообразной мебели, то разгрузкой ящиков с боевыми комплектами, то копанием ям для уличных туалетов или уборкой территории от постоянно накапливающегося мусора. Но больше всего времени занимали частые и длительные построения личного состава, его пересчёт, переписывание, переформирование и пересортировка людей из подразделения в подразделение. К счастью, противотанковый взвод третьего батальона смог сохранить в своём составе всех, кто был в строю с первого дня, и время уже работало на сплочение коллектива.

Нашёл своё место и Могила, которому, казалось, нравилась вся эта почти кочевая и почти привокзальная суеда. Он находился будто в привычной стихии, но в куда более комфортных условиях. Крыша над головой не протекала. Спать на досках, покрытых плащ-палатками и матрасами, принесёнными населением, было для него вполне нормально, а ходить в туалет под открытым небом – давно привычно. Пища сильно отличалась в лучшую сторону от того, что он привык собирать по утрам в мусорных баках во дворах. На нём были тёплая, добротная форменная одежда и даже подштанники, заменявшие трусы, которых он не носил несколько лет.

А главное – привычное отсутствие денег, что на гражданке вынуждало Виктора ходить с протянутой рукой или временами подрабатывать на кладбище, здесь компенсировалось тем, что легко можно было стрелкнуть сигаретку или даже поживиться несколькими пачками из автобусов с гуманитарным грузом, приезжавших ежедневно. А на что ещё солдату деньги? К тому же спиртное сразу попало под табу, так как командир взвода Бабонько Петер (в миру Евгений) в силу старообрядческих традиций и армейского устава был категоричным и ярким противником закладывания за воротник.

Тормозки и домашние припасы, взятые некоторыми бойцами с собой, к концу вторых суток закончились, а полевая кухня не особо баловала разнообразием, упорно предлагая едокам исключительно гречневую кашу с запахом тушёнки и некое подобие борща, а традиционный хлеб заменяли армейские галеты. Ещё через пару дней такое скудное меню стало раздражать. Однажды Могила подошёл к Чалому и, прильнув к уху замкомвзвода, заговорщицки спросил:

– Товарищ командир, разрешите обратиться?

– Давай. Что там у тебя?

– Можно мне в одно место сходить за территорию минут на двадцать?

– Поясни.

– Я могу всяких там солений притащить, тушёнки домашней, кровянки. Тут у меня тётка родная живёт. Сто лет не видел, а может, и не увижу больше. Заодно попрошу её харчей дать, она всегда меня подкармливала, а тут я в форме приду, она порадуется.

– Давно, говоришь, не видела тебя?

– Так от моей конуры пока до её дома пешком дойдёшь – дня два ковылять надо, да и не хотелось бы её лишний раз взывать к жалости в обмотках и тряпье. А тут по форме, всё чин по чину. Пусти, командир.

– Смотри, Могила, патрулю не попадись, а если встретишь, то так и скажи: мол, попрощаться. Не выдумывай глупых историй, только запутаешься. Тебе времени два часа – и чтоб не подвёл.

Солдат засиял широкой беззубой улыбкой и, сутулясь и немного прихрамывая, поспешил в сторону посёлка...

Когда бойцы, получив в котелки по порции опостылевшей гречки и галеты, начали располагаться вокруг вытянутого стола, за которым спокойно размещался весь взвод, на пороге столового зала появился Могила, нагруженный двумя объёмными сумками и рюкзаком за спиной. Уже через мгновение парни открывали банки с маринованными помидорами и солёными огурцами, разрезали на большие неровные куски кровяную колбасу и хлебные буханки, разливали по кружкам вишнёвые и яблочные компоты, руками ломали большой круг пирога с капустой. Лица бойцов повеселели, и каждый считал обязательным лично подойти к Истомину, похлопать по плечу или по спине и сказать что-то вроде: «Респект и уважуха тебе, брателло!». Не остался в стороне и Коля Викинг, видимо, пытаясь как-то загладить вину перед Виктором за грубость, проявленную ранее к нему.

Автор неожиданного пира, как хозяин доставленных яств, ходил вокруг стола и подкладывал в котелки и миски соленья из банок, колбасу, прочие вкусности и постоянно разливал компот в пустые кружки сослуживцев. Вся его суэта вокруг стола была пронизана трогательной заботой, и уже было трудно увидеть в этом потрёпанном жизнью человеке спившегося вконец бездомного нищего. Впрочем, наверное, впервые за двадцать лет скитаний он не брал спиртного в рот уже более трёх дней, и это не замедлило сказаться на его лице, разгладившемся, несколько порозовевшем и начисто побритом дорогой бритвой, доставленной в гуманитарном автобусе.

– Эх, мужики, – кто-то громко вскрикнул с заметной досадой в голосе, – водки бы под такой закусон! Могила, сознавайся: принял по дороге?

Истомин бросил взгляд на Чалого, как бы оправдываясь именно перед ним, прижал левую ладонь к груди и, перекрестившись правой, с нескрываемым волнением прокричал:

– Вот вам крест, мужики, ни граммукли! Тётка-провокакторша хотела пузырь в дорогу сунуть, но я – как скала. И пока война не кончится, слово даю: ни капли. Вот вам крест! – клятвенно закончил он и перекрестился ещё раз.

И ему хотелось верить.

* * *

Однако, несмотря на уже налаженное питание и появление во взводе различных разносолов, с Могилой случился постыдный казус, а виной тому послужила как раз эта пресловутая кухня. Долгие годы Витя Истомин, ведя самый что ни на есть бомжовский образ жизни, и питался соответственно, крайне скудно, зачастую просто из помойки. Постепенно его желудок превратился в подобие механизма по переработке отходов и всяческой тухлятины, вырабатывая устойчивый иммунитет к подобной «пище». И как только у него вновь появилась возможность кушать как нормальный человек, этот самый «перерабатывающий механизм» начал давать сбои. Учёные, например, давно доказали, что если взять, к примеру, жителя средней полосы России девятнадцатого века и покормить его какой-нибудь котлетой в булке и газировкой из «Макдоналдса», то с ним непременно случится заворот кишок и он, бедолага, скорее всего, отдаст Богу душу. С нашим героем, к счастью, летального исхода не случилось, но частое и длительное отсутствие рядового Истомина в строю после каждого приёма пищи стало настораживать сослуживцев.

– А если у него хронический понос и он в окопе проявится? Там ведь не набегаешься за угол, – говорили между собой бойцы.

– А вот на самом деле как быть в бою, если прижмёт нехстати? Чалый, ты знаешь? – спросили как-то не служившие ранее солдаты, полагая, видимо, что старому вояке это должно быть известно.

– Да я ведь, пацаны, в артиллерии служил, в окопах сидеть не приходилось. Там всё больше вокруг гаубицы надо было бегать, да и туалетов в лесу хватает, если на выезде рабо-

тали. А на постоянной огневой всё по культуре, со всеми возможными удобствами. Вы лучше Руслана Гроза спросите. Он у нас пехотинец со стажем, аж с четырнадцатого года. Наверное, не одну траншею обгадил...

Все с любопытством обернулись к пареньку небольшого роста, белёсому и коротко стриженному, с маленькими серыми глазками и всегда полушутливым взглядом на веснушчатом лице. Руслан в своей привычной манере бывалого сидельца по малолетке, жестикулируя руками и растопырив пальцы, начал объяснять, нарочито растягивая каждое слово:

– В общем, пацаны, в натуре всё очень просто, и, когда будем набивать вещмешки патронами, не забудьте положить пару рулонов туалетной бумаги и побольше пакетов для мусора. Захотел по-взрослому сходить – отошёл в сторонку прямо в окопе, развернул пакет и туда сделал своё грязное дело. А потом так скрутил, как на кассе пакеты закручивают, размахнулся и что есть мочи закинул в сторону укропов. Пусть их разведчики по нашему говну ползают.

В это время к смеющейся группе подошёл Могила и начал с любопытством прислушиваться к речи Гроза, пытаясь уловить суть рассказа, начала которого он не слышал. Тут его заметил наш рассказчик, как ни в чём не бывало повернулся к Вите и, положив правую руку на левое плечо Могила, закончил:

– А тебе, Витёк, надо мешков закупить килограммов на пятьдесят и подкачать руки не помешает для силёнок. А то бросишь своё добро у себя под носом или впереди, скажем, командира взвода – и будет нам по всему окопу полная газовая атака.

Раздался дружный громкий хохот. Засмеялся и Могила, чем только раззадорил окружающих.

Шутки шутками, но приближался день отправки на фронт, а Виктор всё продолжал просиживать подолгу в кустах, так как не хотел вызывать справедливое недовольство у стоящих в очереди в туалет. Самое грустное то, что у него открылся сумасшедший аппетит, который он удовлетворял даже среди ночи, иногда съедая по целой трёхлитровой банке огурцов вприкуску с конфетами... А солений в расположении появлялось всё больше от сердобольных местных жителей, у которых наверняка где-то сейчас тоже служили и воевали сыновья, мужья, братья.

После очередного отсутствия в строю Могила командир взвода приказал всем подключиться и совместно ограничить беспорядочную «обжираловку» ненасытного бывшего бича.

– Иначе он весь поезд засрёт, а нам в нём, по ходу, несколько дней трястись, – заявил Петер перед строем, а когда подошёл Могила, то уже обратился к нему: – Рядовой Истомин, с этого момента любое употребление пищи – только с моего разрешения. Никаких ночных перекусов всякого рода ассорти типа сала с шоколадом и селёдки с молоком. Понял?

– Есть, товарищ командир, – обиженно, глядя себе под ноги, пробубнил солдат. – Разрешите встать в строй?

– Разрешаю, но и ты не обижайся. Ты мне в бою нужен с гранатомётом, а не в кустах с голой жопой. Умерь жрачку – и всё будет нормально с твоим желудком.

И тут раздался голос Гроза, любившего подтрунивать по разным поводам:

– Всё, Могила, если ослушаешься, тогда и в туалет будешь ходить с разрешения командира. Прижмёт так разок, а Петера нет. Будешь пулей летать по части, чтоб на очко отлучиться.

Строй грохнул мужским гоготом...

* * *

На следующий день, как часто бывает в армии, неожиданно прокричали подъём в четыре часа и тут же объявили общее построение полка на бывшем футбольном поле напротив спортивного зала, временно превращённого в казарму. К обеду раздали по две упаковки суточного

армейского сухого пайка и начали выдавать личное оружие без боеприпасов к нему. Истомину кроме автомата вручили обещанный согласно штатному расписанию гранатомёт.

– И как из него стрелять? Я автомат-то уже сто лет в руках не держал, а энту бандуру вообще в первый раз вижу, – вслух рассуждал Могила, пытаясь отрегулировать ремень гранатомёта под свой рост.

– Будет у нас время научиться, – успокоил всех Петер. – Никто нас в бой не пошлёт без подготовки и боевого слаживания – не сорок первый год.

– Дай бог, чтобы всё закончилось без нас, – прозвучал чей-то голос, – к восьмому марта, например.

– Ага, держи карман шире! Размечтался! Ты слышал, как они наших десантников встретили под Киевом? А что под Мариуполем творится, знаешь? – раздалось в ответ из толпы.

– Да не будет же, в конце концов, Путин кота за яйца тянуть. Вон и авиацию ихнюю всю ещё на земле разгромили, ПВО туда же... Максимум – на месяц. Да и не будут нас в пекло посылать. У нас же в армии служивших три-четыре человека на полсотни, а остальные чем будут полезны?

– А под Мариуполем ведь оказались полезными. Не слышали разве, что там мобилизованных вместе с девятой бригадой на штурм послали?

– Так это дома, а мы под Харьковом вместе с россиянами будем стоять. Вон и прикомандированные русские офицеры уже появились. Будут кураторами.

– Я слышал, что нас в бой не пошлют и будем мы в тылах охранять всякие социальные объекты. Там спецназ российский и наши кадровые части воевать будут. А мы – так, для массы.

– Было бы хорошо, если эдак, но давайте не будем забегать вперёд. Война план покажет, а наше дело – получить оружие и привести его в порядок, – мудро завершил обсуждение темы командир взвода.

Суэта растянулась на весь световой день и продолжилась до самого дождливого утра следующих суток, когда упакованные оружием и всяким носильным скарбом, утяжелённые зимней формой, промокшей насквозь во время ночной погрузки эшелона техникой и боекомплект, батальоны полка пешим строем вышли на железнодорожную станцию Иловайска и с удивлением обнаружили там состав из двадцати плацкартных свежевывмытых серых вагонов с надписью «РЖД». Типичный гражданский поезд на обычном мирном вокзале выглядел непривычно для всех, кто уже восемь лет находился в воюющей республике, где не только забыли про полёты на комфортабельных самолётах с некогда шикарного аэропорта имени Сергея Прокофьева, но и не видели ни одного пассажирского поезда. У многих молодых солдат, которым в начале войны было только по десять лет и которые не выезжали за пределы Донбасса, вид поезда вызвал нескрываемый, почти ребячий восторг.

Шумная разноголосица, множественные команды офицеров подразделений и переклички личных составов перед посадкой в эшелон покрывали битком заполненный «зелёными человечками» перрон. Погрузка шла весело, и люди быстро определялись с местами, забрасывая оружие на самые верхние, третьи, этажи полка, а вещевые мешки – каждый под голову, как будущую «подушку» на несколько суток пути. После трёх с половиной дней, проведённых в жутких условиях, в заброшенных зданиях бывшего интерната на окраине Ханжонкова, плацкартные вагоны с мягкими спальными лежаками показались просто суперкомфортным жильём на колёсах, в котором хотелось ехать до самого Дальнего Востока.

Через тридцать минут посадка по всей длине состава была завершена, и по вагону послышалась команда:

– Внимание! Всем слушать сюда! – это прокричал маленького росточка молоденький капитан из числа российских сопровождающих, ещё на погрузке боекомплекта назвавший себя Ваня Нева. – Товарищи военные, наш полк направляется в зону проведения спецоперации на территории Харьковской области. Спешу вас успокоить: в контактных боевых действиях

вы участвовать не будете, так как вам придётся заниматься комендантскими функциями на третьей линии от передовой. Ехать нам двое-трое суток, а потому прошу запастись терпением и соблюдать порядок и чистоту во всё время следования. Выход из вагонов на протяжении всего пути запрещён, да и станции в городах мы будем проезжать без остановок. Наш конечный пункт по железной дороге – Белгород.

– А как мы границу пересечём, если не у всех паспорта на руках? – задал кто-то вполне логичный вопрос и тут же продолжил: – И как мы обратно поедem, когда всё закончится?

– Все вопросы к Путину! – послышалось из другого конца вагона.

– А мы обратно, в Донецк, только через Киев вернёмся! – не унимались уже где-то в середине. – На победном поезде Киев – Донецк.

Капитану нечего было сказать и, уловив несколько весёлый настрой личного состава, он поспешил удалиться в офицерский отсек. И только когда народ, постепенно успокоившись, начал поудобнее устраивать спальные места, расположившийся рядом с Чалым черноволосый толстячок Андрюха Кибало со смешным позывным Бомбалелло, грустно смотря в окно, проговорил:

– Без документов, в чужой стране, без официального пересечения границ. Всё это значит, что нас тут официально не существует и наши правители в Донецке так и будут говорить: «Их там нет».

– Мы теперь «ихтамнеты»! – вдруг закончил мысль за Кибало Чалый, а потом продолжил: – Почему они так часто и почти все, начиная с военкоматов, говорят, что мы не будем воевать? Я помню из детства, как дед перед закланием коровы или быка всегда успокаивал скотину, нащёптывая всякие ласковые слова и молитвы в ухо, пока вёл к месту. Так у жертвы меньше адреналина в крови будет, и мясо вкуснее получается. Уж не везут ли и нас на убой? Не нравится мне всё это. Мясокомбинат, кстати, у нас уже был в самом начале всей этой кутерьмы...

– Теперь-то уж что говорить? Как суждено, так и будет, – вдруг послышался голос Истомина, занявшего боковое место снизу. – Меня и так никто не ждёт, кроме тётки, да и та только перекрестится, как за избавление меня от мучений жизненных.

– Я диплом должен был защищать в июне в архитектурной академии, – сказал Бомбалелло и спросил почему-то у Чалого: – А может, нам дипломы так раздадут, без защиты? Должны же они войти в положение, как думаешь? Нам даже бронь обещали, а потом декан вызвал весь поток ребят и направил всех в военкомат: мол, для формальности. Вот теперь половина тут, а другая половина на Мариуполь уехала. Там, говорят, жуть.

– Да-а-а, брат, подставил вас декан. Пацанов-студентов вместо преподавателей отправил на заклание. Сука он, Андрюха! – констатировал Чалый.

– Вот бя... ий потрох! Вернусь – первым делом ему морду набью! И не я один! – заключил Кибало.

– Помню, в институте у нас говорили: «Пошли декана матом – и познакомишься с военкоматом».

– Чалый, а ты-то чего пошёл, если тебе по возрасту уже дома сидеть положено? – вдруг оживился Могила.

– Понимаешь, соседи один за другим пошли, и я решил сходить в военкомат. А там вот такие пацаны, как Андрюха с Егоркой, и всякие инвалиды типа тебя. Куда, думаю, вы без меня? Надо вам подсобить, хотя с пятнадцатого года повоевать пришлось изрядно. Ничего, я крепкий. Не смотри, что шесть десятков в этом году покрываю.

– А я недолго думал и сразу, как объявили мобилизацию, мешок собрал, жену с сыном поцеловал – и до военкомата, – включился в разговор Руслан Гроз, уже расположившийся на верхней полке, лёжа на животе и глядя в окно. – Да и в забое сидеть, когда половина смены воюет, неудобно. Стыдно как-то, не по себе, что ли...

Появилась всегда красная и во всю ширь улыбающаяся рожа Виталика Семионенко:

– Мужики, не поверите! Мне на ДМЗ начальник цеха перед отпуском бронь выписал в военкомат, чтобы я, значит, смог вернуться через пару недель. Ну, мы там, в цеху, обмыли всё это дело как полагается. Я домой поехал на трамвае. Выхожу на остановке, а там у нас напротив дома «наливайка». Мне бы, дураку, сразу до хаты – и баиньки, чтобы наутро в военкомат бронь отнести, а тут губу так завернуло, что мочи нет, как выпить хочется. Ну и зашёл на рюмочку-другую...

Виталик замолчал, похлопал по нагрудным карманам. Вынул пачку сигарет с зажигалкой и направился было к тамбуру, как застывшие в ожидании продолжения рассказа парни хором вскрикнули:

– А дальше-то что было? Напился, что ли?

– А чего дальше? Вот с вами еду...

– А бронь?

– Видать, в потасовке потерял...

– В какой потасовке?

– Да я трезвый не всякому дамся, а тут пьяный. Вот и влепил одному военному с повязкой прямо в шнобель. Он обиделся, а дружки его меня не поняли... Да это всё херня. У меня вот мамка сейчас в России в командировке, а я ведь так домой и не попал, чтобы хоть записку оставить. Сгину – так и не узнает, под каким городом...

Семионенко направился к тамбуру, за ним последовала ещё пара курильщиков. Наступила неловкая пауза, которую не сразу нарушил Могила:

– Однако с вечера во рту ни маковки, а жрать-то хочется. Пойду командира поищу. Не зря же нам этот сухпай давали. Хватило бы на всех...

– Ну вот, – оживился Гроз, – кто о чём, а вшивый – о бане. Ты смотри, Могила, тут гальянов только два на сто человек. Не подведи нас, братуха!

Не все, увлечённые общей беседой, и не сразу заметили, как за окном начал «отъезжать» опустевший перрон, на котором оставались два комендантских патруля и непонятно откуда взявшаяся девушка в короткой белой курточке, с растрёпанными тёмными волосами и сбитым на затылок синим платком. Она растерянно шла за уходящим поездом навстречу ветру, на ходу вытирая ладонью заплаканное и запачканное расплывшейся тушью лицо. Казалось, она разговаривает вслух с кем-то неведомым, обращаясь в сторону удаляющихся вагонов сквозь слёзы, не перестающие течь по покрасневшим щекам. Больше на перроне провожающих не было, а свинцово-серые тучи уже начинали выжимать из себя мелкие капли холодного мартовского дождя...

Плакало небо.

* * *

Уже почти трое суток эшелон вёз без малого полторы тысячи мобилизованных мужчин в далёкую неизвестность. За окном лежали российские заснеженные поля и придорожные населённые пункты, а по прямым столбам дыма из труб деревенских домов можно было догадаться, что на улице крепкий морозец. После уже наступившей в Донецке весны для пассажиров поезда было неожиданностью наблюдать зимнюю сказку под лучами яркого солнца.

Жизнь человека можно сравнить с поездкой в пассажирском вагоне, где главные этапы биографии похожи на станции. Короткие и длинные, беспосадочные и с пересадкой на другие поезда. Судьба ведёт нас по извилистому жизненному пути, как локомотив тянет по бесконечной хитросплетённой паутине железнодорожных путей сообщения согласно купленным билетам. Нас сопровождают попутчики до своих станций, кто-то едет дальше, кто-то сходит раньше, и его место занимает новый спутник. Рано или поздно доходит очередь и до вас. Новая

остановка. Новый поворот судьбы – и пересадка в другой состав. Другие спутники, но вы ещё благодарно вспоминаете оставленных вами прежних товарищей по дороге. Вспоминаете, но уже знакомитесь опять и заводите разговор, задушевную беседу с новым человеком на вашем пути, в вашей судьбе. А как иначе? Как без задушевных откровений, если собеседник сойдёт на своей станции и вы с вероятностью до девяноста девяти целых и девяноста девяти сотых процента никогда не увидите? Ваши исповедания и задушевные байки останутся при вас, но пар выпущен, и вам намного легче двигаться дальше, до следующего попутчика, до следующей станции.

Но так бывает в гражданском поезде, где уровень цены и комфорта сводит в одном купе людей приблизительно равного достатка и социального положения. Солдатский эшелон не разделяет своих пассажиров по их общественноматериальному положению, нивелируя каждого с каждым как равного с равным. Все одинаковы, как братья, у всех один поезд, одна дорога, общая судьба. Общая до первого боя, до первого сражения, до первого снаряда. А дальше...

Дальше перст Божий каждому укажет свой удел.

* * *

Как выяснилось ещё до отправки эшелона, большинство новоявленных военных даже автомат Калашникова видели лишь на экранах телевизоров или мониторах компьютеров, поэтому было принято решение: предоставленное в пути время потратить на разборку-сборку и чистку «калашмата». Мобилизованные офицеры, впервые державшие в руках табельный пистолет Макарова, познавали его внутренности путём нехитрых манипуляций с затворной рамой, спусковой скобой и возвратной пружиной. Нужно ли было объяснять, что знакомство с личным оружием – дело важное и обязательное? Понимал это и Могила, старательно смазывая и насухо вытирая носовым платком детали своего калашникова. К слову сказать, в Советской армии он служил в строительных войсках, а там, как известно, главным оружием солдата была лопата. Тогда шутили, что в стройбате служат настоящие «оторви головы», которым в бою даже автомат не нужен – достаточно лопаты.

Проявив недюжинное усердие в работе над своим новым «другом», Могила бережно отложил его в угол и аккуратно прикрыл курткой. Обратив внимание на это, Руслан Гроз спросил:

– Витя, ты лопату в стройбате так же лелеял? Чистил, точил, смазывал?

– А шо ты думаешь? – невозмутимо отвечал Истомин. – Если черенок не гладкий, то занозы с мозолями вмиг на руке нарисуются, а если штык не обточен, как нож, то работа будет идти в два раза медленнее. Лопата – инструмент! Это тебе не просто в земле поковырять. Без неё ты как проживёшь? Ни картошку посадить, ни землю вскопать, ни куст какой выкорчевать. Тебя даже на тот свет провожают с помощью лопаты. Куды без неё? А вот и никуды! И всех она равняет в конце жизни – будь ты хоть генерал, хоть бомжара типа меня.

Буквально все сидевшие рядом с Истоминим и слушавшие его солдаты разом обернулись, выразив общее изумление его философским толкованиям.

– Да-а-а, лопата – чисто пролетарско-крестьянский инструмент, ну и солдатский тоже, – продолжил рассуждения Могила Серёга Мэтр, весь день тихо сидевший у окна в углу на нижней полке. – Если вы где-то увидели еврея с лопатой, то одно из двух: или это не еврей, или это не лопата.

Послышался сдержанный смех. Лежавший на своей верхней полке Гроз, повернувшись на бок и подперев правой рукой голову, вдруг заговорил:

– Одна баба подруге говорит, что муж её бьёт потому, что любит. А та ей отвечает: «А ты ему лопатой по хребту вломи наотмашь! Пушай почует, как ты без него вообще жить не можешь!»

На этот раз смех уже был пораскатистей.

И тут, как часто бывает в мужском коллективе, посыпались анекдоты ещё и ещё.

– Бабка пишет письмо Януковичу: «Уважаемый Виктор Фёдорович, мой дед постоянно приходит с дачи со сломанной лопатой. Пожалуйста, или хоть раз сделайте что-нибудь хорошее для людей, или перестаньте обклеивать бетонные столбы своими фотографиями...»

– А вот про нашу медичку. Значит, медсестра тащит с поля боя здорового мужика, надрывается. Он ей говорит: «Брось, сама спасайся». – «Не брошу». – «Да брось, тяжело». – «Ничего, дотащу». – «Брось, говорю». – «Нет». – «Ну тогда хоть с коня сними!»

– Бредёт мужик по пустыне, ему пить хочется, ему есть хочется, а вокруг один песок. Поднимает он голову и говорит: «Господи, как же пить хочется!» Сверху падает лопата и раздаётся голос: «Копай!» Мужик начинает копать и откапывает родничок. Попил, вроде жизнь налаживается, и тут голос сверху: «Лопату верни». Вернул он лопату, сидит, думает, как бы ещё и поест. Решил опять подать голос: «Господи, как же есть хочется!» Все повторяется: падает лопата, и голос снова велит копать. Ну, откопал он съедобных корешков, наелся, и голос сверху: «Лопату верни». Посидел мужик и решил: а, была – не была. «Господи, как же потратиться хочется!» Сверху опять падает лопата: «Копай!» Мужик час копает, два, наконец не выдерживает, весь мокрый, потный, утирает пот со лба и говорит: «Как же я зае...лся!» Голос сверху: «Лопату верни...»

– Идёт еврей по улице. Вдруг сзади – бабах! – лопатой по спине. Оборачивается – стоит русский работяга. «За что?!» – «А за то, жидовская морда, что вы Христа нашего распяли!» – «Так это когда было?!» – «Да мне по хрену, я про это только вчера узнал».

– Хозяйственные работы в армии – это когда берёшь лопату и идёшь рубить дрова...

– Старшина в стройбате ставит задачу: «Работать будем от забора и до заката. С лопатами я договорился. Самосвал приедет – всё объяснит...»

– Подходит офицер к машине и спрашивает у водителя: «Что, не заводится? Ладно, поехали уже, после заведёшь...»

Тут снова оживился Руслан Гроз:

– Приходит шахтёр с работы. Жена спрашивает: «Почему такой замученный? Расскажи, чем вы там занимаетесь». Муж высыпает два ведра угля под кровать, даёт жене лопату в руки и говорит: «Выгребай!» Лезет жена под кровать и начинает выгребать. Муж вылил ведро воды на кровать. Жена спрашивает: «Что это?» – «Вода с пластов закапала». Муж влезает на кровать и начинает прыгать. «А это что?» – «Кровля садится». Вылезает жена из-под кровати, держась за поясницу. Муж её раком ставит и всаживает по самые помидоры. «За что, дорогой?» – «За ранний выход из штольни... Теперь поняла, дура, почему я такой зае...ный с работы прихожу?»

Раздался оглушительный смех на весь вагон. Шахтёров здесь было более чем достаточно, и потому от лопаты и армии перешли на байки из нелёгкой рабочей жизни горняков. Так с шутками и прибаутками прошло несколько последних часов пути, когда наконец маленький российский капитан Иван Нева вышел в середину вагона и дал команду на сбор.

День быстро клонился к вечеру, и в окно можно было наблюдать, как поезд постепенно входит на окраину большой городской агломерации, ярко освещённой уличными фонарями, рекламными щитами и светом из тысячи окон целого микрорайона многоэтажек.

* * *

Белгород встретил обжигающим ноздри морозом и шумом скрипучего снега под берцами почти полутора тысяч солдат. И на этом перроне также не оказалось гражданских, хотя время было ещё не ночное. Быстро подали автобусы, и уже через четверть часа на вокзальной площади не осталось даже намёка на присутствие военных в радиусе визуальной доступности.

Ещё через пятнадцать минут часть полка, в котором оказался и отдельный противотанковый взвод, была построена во дворе некоего культурного комплекса, в спортзале которого предстояло провести ночь-другую, принять душ и просто отдохнуть перед уходом в зону специальной военной операции.

Объявили проверку личного состава по подразделениям. Вдруг оказалось, что Петера среди приехавших нет. Кто-то уточнил, что видели, как он и ещё двое (Серёга Блондин и самый молодой солдатик, студент-первокурсник Егорка) в общем потоке попали в другой автобус, и теперь, скорее всего, мы их не увидим по меньшей мере до завтра.

– Взвод! В колонну по три становись! – скомандовал Чалый, но взвод будто не слышал его...

Пришлось повторить уже громче и твёрже:

– В колонну по три становись, едрить вашу мать! Рав-няйсь! Смирно! Начинаю пере-кличку! – Чалый достал тетрадку со списком личного состава и начал читать фамилии бойцов, написанные его же почерком.

Закончив подсчёт, быстро сбегал к командиру батальона, доложил расход личного состава и так же быстро вернулся к взводу, который уже разбрёлся в некую безобразную толпу зевак.

– Становись! – скорее зло, нежели просто громко вскричал замкомвзвода. – Я разве давал команду на разброд и шатание?! Кто разрешил разойтись?! – Он говорил разгорячённо, но медленно и с расстановкой, обводя строгим взглядом первые ряды; сделал на миг паузу и уже спокойно продолжил: – Всё, пацаны, мы приехали, и шутки кончились. Завтра для нас начнётся война. Война для всех вас начнётся, и я не дам ломаного гроша за ваши жизни, если вы думаете, что на войне нет дисциплины. Когда нет командира, то его место занимает заместитель. Это важно помнить, особенно в бою. Уяснили?

Мужским хором раздалось:

– Так точно!

– Разрешите вопрос из строя? – раздался голос рядового Гурова, пришедшего в армию прямо из учительской средней школы, где ещё вчера сам строил учеников на занятиях по физкультуре.

– Разрешаю.

– А нам же говорили, что мы будем комендантскими патрулями в глубоком тылу стоять. Вы что-то знаете больше нашего? Скажите и нам.

– Я не могу знать больше вашего, так как я такой же солдат, только чуть старше. На войне, как и в армии, я не первый день. Просто жизнь знаю побольше, и есть у меня своё чутьё. Да и что такое третья или четвёртая линия? Это далеко от первой линии или рядом? Во время войны с фашистами глубина прифронтовой линии тянулась аж на триста километров, а нам до Харькова всего-то километров сто пятьдесят от границы. Ну что? Далеко мы будем от передка или близко, как по-вашему?

– Недалеко, – грустновато пробубнил Могила, стоявший первым в колонне.

С ним согласилось ещё несколько голосов.

– А ещё прикиньте, что привычной линии фронта не будет. Это не сорок первый год. Диверсионные мобильные разведгруппы как с их, так и с нашей стороны никто не отменял. Вот сами и представьте, какая вас ждёт служба в лесах Харьковщины, – мгновение помолчав, Чалый закончил: – Ладно, хватит на этом. Кто с вечера плачет, поутру засмеётся. Двум смертям не бывать, а одной не миновать, и за семь бед один ответ. Потом поговорим. Всё. Разойтись и занять общее место в спортзале на весь взвод. Могила, Гроз, Семен, отвечаете за организацию ужина.

* * *

В просторном и светлом баскетбольном зале с высокими потолками разные подразделения уже поделили места обитания, и взвод противотанкистов расположился прямо по центру, образовав достаточно просторный круг, застланный плащ-палатками и развёрнутыми спальными мешками. Могила, как суетливая хозяйка, старался над импровизированным «дастарханом», нарезаая хлеб, открывая привезённые им из Донецка банки с соленьями и раскладывая консервы из остатков сухих пайков, которые умело вскрывал Виталик Семен. Руслану Грозу не было места на «кухне», и поэтому он пытался просто удобно разложить снедь так, чтобы каждому было легко дотянуться до своего пайка. Эту процедуру солдаты проводили ещё в Ханжонкове много раз в день, окончательно превратив общую солдатскую трапезу в некий общинный ритуал братания и преломления хлеба между некогда совершенно чужими людьми.

Пока бойцы оставшихся подразделений обустроивались, в зале появились гражданские люди с большими коробами и белыми мешками. Это активисты собрали у местного населения гуманитарную помощь, что в положении бойцов оказалось весьма кстати. Тёплые вязаные носки, свитеры и кофты, сотни рулонов туалетной бумаги, мясные и рыбные консервы, десятки упаковок чая, соли, сахара. Позже завезли смотанные в тюки одеяла и матрасы. Но самым главным подарком, конечно же, был табак в различных интерпретациях: от пачек махорки до блоков иностранных сигарет с фильтром.

Когда всё это было сложено в углу спортзала, вперёд вышла невысокая миловидная брюнетка не старше пятидесяти лет и обратилась к бойцам, вставшим из уважения со своих биваков и оставившим на время каждый свою суету.

– Ребята, – с еле скрываемым волнением начала она, – мы знаем, как ваша республика уже восьмой год живёт под обстрелами этих фашистских и бандеровских нелюдей, как страдают ваши детки, жёны, мамы и старики. – На этих словах она внутренним усилием попыталась остановить выбивающуюся из глаз слезу и продолжила: – И мы понимаем, каково вам идти в логово врага, когда ваш дом находится под обстрелами украинских ракет и снарядов. Но мы знаем и то, что вы вернётесь с победой и живыми. – Тут уже эмоции вконец захлестнули её, и женщина расплакалась, не стесняясь, утирала глаза кружевным платком, который сжимала в кулачке с самого начала своей речи.

Мужчины дружно захлопали и вслух стали благодарить её за тёплые слова.

Несколько успокоившись и взяв себя в руки, она продолжила:

– Друзья, мы привезли вам от имени областной организации «Народного фронта России» нашу скромную гуманитарную помощь и просим принять её.

Теперь перед бойцами вышел маленький капитан Нева, успевший остаться в одной оливковой тельняшке, шароварах, при домашних тапочках, и громко скомандовал окружавшей его толпе:

– «Народному фронту» и женщинам славного города Белгорода наше гвардейское – два коротких, один длинный: «Ура, ура, ура-а-а!»

Народ дружно, в унисон проревел басами приветствие, и затем раздались ещё более дружные аплодисменты...

* * *

После преломления хлеба и обязательного «пойдём покурим» начали укладываться. Чалый осмотрелся вокруг и, про себя пересчитав людей оставшегося в его распоряжении взвода, понял, что двоих нет: Андрея Хоменко и Виктора Гурова. Можно было предположить, что вечно неразлучные Хома и Гур просто стоят на свежем морозце, курят и скоро вернутся, но

старый служака всё же решил выйти и проверить. Странно, но возле курительной урны никого не было, как не было никого и за углом здания, куда они могли отойти, прогуливаясь. Вернувшись в помещение, Чалый спросил у дневального о двух парнях, возможно, выходивших или входивших через турникет.

– Были такие, они в малый зал пошли. Нам, говорят, поговорить надо, вот и попросили старшего открыть им дверь на время. Эта комната направо по коридору, за углом.

Чалого, конечно, учили ещё в детстве, что подслушивать чужие разговоры и лезть в отношения между людьми недопустимо и отвратительно. Но это на гражданке и в сугубо мирное время. А тут на пороге война – и вдруг какие-то «тайны парижского двора», которые понадобилось обсудить подальше от чужих ушей, да ещё в специальной комнате для аудиенций.

«Уж не мордобой ли там у этих дружков?» – с тревогой подумал Чалый и поспешил к ним.

Стараясь подойти, не издавая лишнего шума, Чалый ещё издали обратил внимание на узкую щель между косяком и дверью, которую, очевидно, не стали запирать изнутри, что его немного успокоило...

– Витёк, я понимаю, что место всякого мужика сейчас на войне, и знаю, что ты патриот. Но и ты пойми меня: я – не всякий мужик, и я не такой патриот, как ты, чтобы за здорово живёшь и за тридевять земель от родного дома и семьи сложить голову под укропскими бомбами, – горячо, но стараясь быть неслышимым за пределами комнаты, говорил Андрей Хома.

Гур ему отвечал таким же приглушённым голосом, но гораздо спокойнее:

– Андрюха, я тебя не тянул в военкомат, как бычка. Я пошёл сам и в соответствии со своими внутренними убеждениями. Да, я отказался от брони, и об этом мы всю ночь говорили с женой. Она меня поняла и даже годовалым пацаном не стала привязывать. Я, может, в первый раз в жизни настоящий поступок совершил и не жалею. А ты-то чего всю дорогу со мной не разговаривал? Перед тобой-то я в чём виноват? Я также считал, что будем служить или воевать рядом с Донецком. И что теперь? Будем брать обратный билет? Это глупо.

– Ты же знаешь, почему я пошёл в военкомат? Только не прикидывайся, что не знаешь...

– Неужели ты сейчас хочешь обвинить меня в том, что ты сам пошёл по примеру друга добровольцем на фронт?

– Я не думал, что это так далеко зайдёт. Я не собирался, как ты говоришь, воевать, да ещё в такой дали от дома.

– Ты ребёнок, что ли, дружище? Это армия!

Наступила пауза. Кто-то закурил, и по запаху Чалый понял, что это электронные сигареты, которыми часто пользуется Гуров.

Первым прервал паузу Хоменко:

– Мы с тобой работаем вместе в школе уже шесть лет, и я никогда не давал тебе повода усомниться в своей порядочности и правильности поступков по отношению к тебе, к семье, к делу. Это так?

– Так, – коротко ответил Гур.

– Я и сейчас, может быть, поступил правильно.

– «Может быть»?! – вскрикнул Витя Гуров. – Ты сомневаешься, что защищать Родину является правым делом? Скажи сразу, что ты просто трусил. Хотя до сих пор с нами ещё ничего страшного не случилось. Включил заднюю? Так и скажи, что обосрался!

– Да пошёл ты, знаешь куда?! А если вправду, то мне до жути страшно! И я не для этого получал золотую медаль в школе и диплом красного цвета в национальном университете, чтобы сдохнуть, как бездомный Могила или Гроз, который из своего забоя никогда бы так и не вышел за всю жизнь! Да, я не такой герой, как Коля Викинг, который только и кричит всю дорогу о том, что готов зубами рвать всех нацистов! Я простой и скромный учитель програм-

мирования в обычной средней школе, а ты меня затащил в эту задницу и теперь ещё спрашиваешь, почему я с тобой перестал общаться.

Снова наступила тишина. Гур задымил опять, прохаживаясь по комнате, в которой, очевидно, не было мебели, так как шаги отдавали свойственным пустым помещениям эхом.

– У тебя получается, что все пацаны, которые сейчас там спят и завтра уйдут на войну, в том числе и я, достойны претерпеть все лишения и погибнуть в бою, а ты, значит, нет? И получается, что вся моя вина заключается лишь в том, что ты считал меня другом, которому слепо верил, и слепо же за мной пошёл в этот водоворот? Вот это поворот, дружище! – Гуров громко хлопнул себя по коленям и задал вопрос Хоме: – А разве я, Андрюха, не простой, скромный учитель физкультуры в той же самой средненькой школе? Или я не оканчивал на отлично институт? И разве у меня нет годовалого пацана? А твоя мама, может быть, не давала нам обоим напутствие на дружную службу и взаимную поддержку? И ты должен был первым инициировать эту встречу, а не дуться, как обиженный ребёнок, у которого отняли любимую игрушку. Я снова первый иду к тебе и прошу этого разговора. Спасибо, конечно, за откровенность, но теперь мне будет очень трудно с тобой общаться как прежде. Если есть что сказать, говори сейчас. Мне, как и тебе, пора спать... и подумать над тем, как теперь мы будем служить вместе.

– То есть о дружбе уже речь не идёт? – вдруг повысил голос Андрей Хоменко.

– Так ты сам к этому ведёшь.

– Хорошо, пусть будет так, – голос Хомы стал взволнованным. – Ты должен знать, что мне приснился ещё дома сон, который не даёт покоя с тех пор, как мы надели форму и попали в этот коллектив. Хочешь послушать?

– Андрей, ты программист, учитель с высшим образованием – и веришь во всякую чушь?

– Послушай и ты поймёшь, что это вещий сон. Дай мне минуту.

– Изволь. Слушаю.

– Так вот, мне накануне отъезда привиделось, как нас строят там, на интернате, как мы тупо таскаем и перетаскиваем мебель, роем туалеты, едем в этом дурацком поезде, который не остановился ни разу, ни на одной порядочной станции. Ты понимаешь? Я это всё видел заранее! И это сбылось наяву.

– И что ты увидел дальше в своём пророчестве? – усмехнулся Гур, по-видимому, не очень доверяя рассказу Хомы.

– Не смейся, Витя. Там и про тебя будет, – Андрей закурил и продолжил: – Мы будем рыть окопы. Много будем рыть. Будем строить блиндажи и прятаться от минных обстрелов. Мы с тобой будем стоять на одном блокпосту, и на наш взвод пойдут танки. Много танков и много солдат в чужой форме.

– И мы победим, конечно? – продолжал усмехаться Гуров.

– Нет, не победим. Многие погибнут, и многие попадут в плен. Не веришь? Но так и будет, и я этого очень боюсь. Вот что меня и оттолкнуло от тебя, Витя. Мне стало ужасно не от понимания пророческого сна, а от того, что я увидел в конце и отчего проснулся в поту.

Гур уже сам начинал верить в рассказ друга и вполне серьёзно спросил:

– И чем всё закончилось? Не тяни кота за свои же яйца. Говори!

После некоторой паузы Андрей досказал свой странный сон:

– Я упал ничком на дно окопа, и мне в спину выстрелил... свой! – слово «свой» он произнёс таким таинственным шёпотом, каким говорят обычно сумасшедшие, когда делятся «большим страшным секретом».

– Да ладно! Ну ты, брат, себе страхов нагнал! – начал успокаивать Гуров. – И что тебе мешало рассказать эту галиматью мне перед военкоматом? Да я бы сам тебя к психиатру отвёл, да и бронь-то твоя у тебя в кармане была. Надо было тогда же и свалить. Что мешало?

– Я боялся, что ты меня за труса примешь или за дурика. Вот и не стал никому рассказывать.

– Даже жене?

– Даже жене!

– Ну и хорошо, что всё прояснилось сейчас, – спокойно сказал Гур, и Чалому показалось, что он обнял Хоменко и даже похлопал по плечу. – Ты успокойся и держись меня, как всегда. Пацаны у нас подобрались хорошие. И не надо больше никому о них говорить плохо. Не надо их отделять от себя. Они тебе ещё жизнь спасут, если что.

– Успокоил, тоже мне, – уже несколько дружески ответил Андрей и тоже приобнял товарища.

Чалый понял, что разговор подходит к концу, и, решив не рисковать, чтобы не быть застигнутым на месте, поспешил удалиться к остальным. В спортзале горел только дежурный свет, а из разных углов какофонией плохо сыгранного оркестра доносился разнотонный храп уставших от долгого пути солдат. Стараясь не наступить на спящих товарищей, он пробрался к своему месту и тут же улёгся.

Думать об услышанном разговоре ему не хотелось уже только потому, что это его действительно не касалось, никакого мордобоя не состоялось, а дружба двух молодых людей не развалилась.

«Вот и слава Аллаху!» – заключил в мыслях Чалый и, несмотря на доносившийся со стороны Вити Истомина непрерывный свистящий кашель, всё же погрузился в глубокий сон.

* * *

Украина встретила морозным солнечным мартовским днём, когда колонна бронированной техники, военных грузовиков с личным составом и боекомплект, вереницей полевых кухонь и разноцветных, некогда гражданских автобусов и пикапов въехала без особых преград по уже разбитым воронками дорогам Харьковской области. Трудно было не заметить последствий недавних боёв, оставивших после себя рывины траншей и бомбовых разрывов, перебитую и сожжённую технику, разрушенные окраины придорожных сёл и хаотично разбросанные мародёрами вещи гражданского населения. Иногда на пути следования виднелись бугорки свежих могил с наспех сколоченными крестами и воткнутыми древками с растрёпанными кусками жёлто-голубой материи. Война, казалось, наследила буквально на каждом квадратном метре широкой округи, ещё покрытой снегом, перепачканным вывернутой снарядами землёй и уже забуревшей кровью.

Бойцы ехали, молча глядя по сторонам, всё отчётливее понимая умом и ощущая каждой клеточкой организма, что война становится болезненным этапом их жизни, из которого живым и невредимым выйти повезёт далеко не всем...

Страх как такового ещё не было. Он придёт позже, когда в двух метрах от тебя разорвётся «неожиданный» снаряд, опустошительно выпрямляя и без того прямую кишку и выворачивая напроц всё органическое нутро человека. Единственное, чего он хочет в этот миг, – это зарыться в самую глубь земли, накрыться по самую макушку чем-нибудь большим, толстым, непробиваемым, непроницаемым, спасительным. Когда же проходит оцепенение и возвращается способность оценивать ситуацию вокруг, а мысли в голове всё ещё жужжат, как пчелиный рой в улье, ты вдруг впервые понимаешь, что твоя жизнь не прервалась случайно, но всё может повториться уже через мгновение, которое окажется последним. Молитвы, услышанные от бабушек в далёком детстве, чётким строем связанных чудесным образом словосочетаний начинают вырисовываться в памяти, вольно или невольно воспроизводясь вслух твоим же голосом, которого ты слышать не можешь по причине полной глухоты и контузии. Но и это ещё не страх... Его ты увидишь позже, когда после обстрела заглянешь в лица оставшихся в

живых товарищей. Вот там и будет нарисован ОН: смертельный, бледно-синий, с вытаращенными наизнанку глазами и кривым оскалом застывшего ужаса на искореженных и потрескавшихся бескровных губах. В твоём лице товарищи будут видеть то же самое, что и ты в их обескураженных физиономиях. Вот так впервые приходит страх на войне. Но всё это будет потом...

А пока в тентованном КамАЗе бойцы отдельного противотанкового взвода третьего батальона стрелкового полка мобилизационного резерва Народной милиции ДНР направлялись навстречу войне. Их головы нестройным тремором сбившегося с ритма барабанщика наполняли мысли о неопределённом будущем, и оттого на душе каждого было неуютно и до тошноты тесно.

– Чалый, скажи мне, только честно, – повернувшись лицом к заместителю командира взвода, спросил совсем безусый Егорка, отметивший свои восемнадцать годиков за две недели до мобилизации, – тебе-то самому не страшно?

Старого солдата этот вопрос не удивил, тем более что задавал его совсем мальчик, только вчера оторвавшийся от мамкиного подола.

– Разве я похож на полного идиота или дебила, чтобы потерять чувство осторожности, которое основывается именно на страхе? Не бояться на войне нельзя, иначе – всё, кранты! Надо беречь свою драгоценную жизнь. Только помни, что на войне твоя жизнь нужна в первую очередь не тебе, а твоим товарищам и командирам, если, конечно, они правильные командиры. Пока ты жив – ты воин с оружием. Иначе ты кусок говна бесполезного, уж извини за прямоту. Поэтому ты должен сохраниться, быть осторожным и, как бы это странно ни звучало, бояться умереть. Уловил ход моих мыслей, Егорка?

– Угу, – согласился салага и тут же добавил: – Непривычно всё это!

– Ещё бы война была привычным делом. Держись меня или вон, Могилы: он парень бывалый, окопы рыть тебя научит. Ведь в окопе твоё спасение, правильно я говорю, Витёк?

Истомин ничего не слышал из-за нарастающего лязга гусениц и рёва танковых дизелей, но, увидев, что Чалый кивком головы указал на него, ответил, так же дёрнув головой: а как же?

– Вот видишь, Егорка, Могила тоже согласен. Пойдёшь к нему вторым номером на гранатомёт?

– Ага, пойду! Только вы мне РПК на «калашмат» поменяйте, – уже прокричал в ответ Егорка, пытаясь перекрыть шум параллельно идущей колонны танков.

– А чем тебе ручной пулемёт не нравится? Тяжелее, что ли, автомата?

– Ну да, – ответил парень и, вполоборота повернувшись к Чалому, устремил свой взгляд за кузов, где за отброшенным на крышу тентом открывалось зрелище...

Следом за их КамАЗом, растянувшись чуть ли не до горизонта, по разбитой дороге, которую справедливее было назвать направлением, медленно и коварно, обползая ямы и воронки, юзом двигалась военная бронированная «змея-колонна», всё удаляясь от государственной границы России и всё глубже вгрызаясь внутрь неизвестности. Ползла грозно, шумно, тяжело, словно силище неумное, готовое размалывать в пыль на своём пути любые преграды, разрушая их до основания мощью своей артиллерии и раздавливая многотонной бронетанковой грудой любой намёк даже на попытку сопротивления.

Где-то низко над головами пара невидимых глазу боевых самолётов преодолела звуковой барьер, и внезапный мощнейший хлопок в небе заставил буквально всех дёрнуться к полу и даже упасть ниц. Егорка, к удивлению Чалого, остался невозмутим.

– Чего ты? Не испугался, что ли?

– Не успел, но ссыкнул, кажись, точно, – со смущённой улыбкой проговорил он по секрету на ухо старому сержанту.

– Штаны зимние, толстые – насквозь не пробыёт. Через час на тебе само просохнет.

– Это от неожиданности, а так-то я и не испугался вообще, даже ничуть. А вот вы только посмотрите, какая армада идёт с нами... Я даже бояться перестал... кажись...

– Ну вот и ладушки. – Чалый приятельски хлопнул слегка Егорку по колену и закончил: – Значит, к Истомину тебя и определим. На том и порешили. Быть посему, Витя?!

Истомин снова согласно кивнул, широко и весело заулыбавшись в ответ Чалому темнотой своего беззубого рта.

* * *

Разворачивались в посёлке городского типа с обнадёживающим названием – Отрадное. Трёхэтажное здание местной средней общеобразовательной школы, на фронтоне которой уже были водружены Герб Российской Федерации с триколором Государственного флага вместо сбитого трезубца, наполнялось, словно муравейник, сплошь «зелёными человечками» в одинаковой униформе, таскавшими туда-сюда ящики с боекомплектами и личное оружие. Вместо выселявшихся подразделений Луганской армии, уходившей на новые позиции, севернее Харькова, заезжали свежие силы армейского корпуса ДНР.

Учебные классы и спортивный зал оказались тесными для размещения всего личного состава, потому расселялись прямо на полу в коридорах и даже на лестничных пролётах. Уже в наступившей темноте народ, спотыкаясь о разложенные вещевые мешки и ящики, толкаясь, матерно выказывал недовольствие свалившимися неудобствами.

Взвод разместился в классе украинского языка, где висел портрет Тараса Шевченко, а Руслан Гроз сразу обнаружил деревянный игрушечный автомат Калашникова.

– Вот к чему на уроках украинского языка нужен был этот предмет? – задал риторический вопрос Руслан.

– Готовили патриотов для защиты от Русского мира, – ответил Гур. – И через язык, и через мозги.

– Они тут укропских гитлерюгендов готовили, что ли? – не унимался Гроз.

– Да... промывали головы, видать, не на шутку, – произнёс, слегка заикаясь, Лёха Лексус, уже расположившись под столом у окна.

– Под окном спать опасно, – раздался голос внезапно появившегося Петера.

Народ радостно загалдел, увидев пропавшего из вида командира взвода, и принялся обнимать его, будто после долгой разлуки.

– Да я же под столом, если что, – ответил Лексус, улыбаясь, и, подойдя к Петеру, обнял его по-дружески.

Следом за командиром вошли ещё трое: пузатый командир батальона майор Фесенко, из донецких добровольцев первой волны, российский советник подполковник с позывным Близнаец, а также младший лейтенант лет сорока, высокого роста и растерянного вида.

– Внимание, товарищи, – обратился Близнаец, выдвинувшись вперёд. – Представляю вам нового командира взвода, младшего лейтенанта. – Чуть замялся, повернулся к новичку и спросил: – Как тебя пацанам называть?

– Дмитрий Николаевич, можно просто Димон, – еле слышно пробубнил новый командир. Народ безмолвствовал недолго:

– А чем Петер-то вам не угодил?

– Нас не спросили...

– Братва привыкла уже к нему как к родному...

– Он же хороший командир, пацанов сплотил как надо...

Чалый поднял руку, пытаясь унять беспорядочный гвалт, а когда всё стихло, сказал:

– Тогда пусть замкомвзвода буду не я, а Петер. Мне эти должности ни к чему.

– Отставить разговоры, – возмутился командным голосом Близнаец. – Вы солдаты или где? На войне или что? Приказы хором не обсуждаются. Мы на Петера другие виды имеем, да

и звания у него армейского офицерского нет. Пока нет. А тут настоящий офицер, хоть и без опыта, но вы ему поможете, надеюсь. Что скажешь, замкомвзвода?

– Понятное дело, что поможем, но ведь и мы – человеки. Я бы всё же Петера вместо себя видел очень даже правильно.

Петер стоял, молча обратив взгляд в сторону окна, которое братва успела задёрнуть плащ-палатками. Снова наступила неловкая тишина, которую нарушил командир батальона:

– Пацаны, вам ещё не раз придётся менять командиров. Причин для этого будет достаточно, так как мы на войну приехали. Вот и научитесь адаптироваться к любым обстоятельствам. Приказы действительно не обсуждаются, а службу вашу никто не отменял. Петер пока побудет в вашем подразделении в качестве, так сказать, помощника командира взвода и передаст дела, а чуть позже и ему новое подразделение найдётся, – высказался наконец майор Фесенко.

Деваться было некуда. Старшие командиры вышли из класса, и Петер, чтобы не затягивать неловкий момент, подошёл к Димону, протянул руку, крепко пожал и, развернувшись, обратился к бойцам:

– Прошу знакомиться всему личному составу персонально.

Все по очереди начали подходить к новоиспечённому комвзвода, здороваться, называя имена и позывные.

– Чалый, я надеюсь, что вы мне поможете? – тихо начал разговор Дима, подойдя ближе к старому солдату. – Вы тут человек, я смотрю, уважаемый, а я в жизни даже пистолета не держал.

Чалый взглянул на него с высоко поднятыми бровями, с досадой покачал головой и ответил прямо:

– Дмитрий Николаевич, можете ко мне обращаться на «ты», а вот позывной вы себе выбрали неправильно. Вы не Димон для подчинённых, а товарищ лейтенант. Это ваша первая ошибка. То, что у вас нет опыта службы в армии к сорока годам, не добавляет чести, но понять можно, и дело это поправимое, как поправимо оно и у большинства личного состава взвода и даже полка. Главное – быть командиром, в чём я вам, безусловно, помогу. А позывной вам народ сам подберёт. Это уж как вы сами себя проявите. Может быть, и Димон станет героическим позывным, так как не имя красит человека, а человек – имя. Делами, конечно, и личным примером.

– Я вас понял, Чалый. Спасибо.

– Ну, мы будем сегодня жрать, товарищи?! А то у меня кишка кишке уже протокол пишет! – раздалось излишне громкое возмущение со стороны углового стола, где уже давно колдовал над остатками сухого пайка и раскрытыми банками солений Витя Истомин, озабоченный приготовлением ужина, пока народ размещался и знакомился с новым командиром.

Кабинет сразу наполнился громогласным гоготом, и обстановка разрядилась сама собой.

* * *

Было ещё темно, но на школьном дворе царил оживление. Полк впервые после долгой дороги и отдыха строился по батальонам, ротам и отдельным взводам. То там, то здесь слышались громкие команды, проводилась перекличка личного состава, над строящимися колоннами по-прежнему поднимался табачный дымок и, как в пчелином улье, гудели басы и баритоны бойцов полка.

– Слушай мою команду! – послышалось из центра построения. – Равняйся! Смирно! Товарищ полковник! Личный состав полка по вашему приказанию построен! Начальник штаба...

– Здравствуйте, товарищи! – обратился к строю высокий человек в российской полевой форме без знаков различия на камуфляжной куртке.

Недолгая пауза – и в ответ разноголосицей с трёх-четырёх сторон совершенно неуподобно прозвучало нечто похожее на мычание-блеяние сборного деревенского стада, бредущего с лугов на вечернюю дойку.

– Это что такое, вашу мать?! – разразилось откуда-то из центра перед строем. – Вас, ёп...ть, не кормили, ёп...ть, или, ёп...ть, тут передо мной быки с телятами стоят, ёп...ть?! А ну ещё разок, да веселее! Здравствуйте, товарищи!

В ответ прозвучало громкое, звучное, дружное, разносясь по всему утреннему селу и, возможно, его окраинам, «Гав! Гав! Гавиц! Гавковник!», что означало в переводе на спокойный и понятный гражданский язык «Здравия желаем, товарищ полковник!».

Дальше, как водится, командиры на полусогнутых, отдавая приветствие у правого виска, покрытого форменной вязаной шапочкой, стали подбегать, подходить, прихрамывая, подходили строевым шагом к командиру полка и докладывать о расходе личного состава; разворачивались через левое плечо и уже спокойно возвращались в строй. Комвзвода Дима, подходя для доклада и забыв переложить блокнот в левую руку, попытался отдать приветствие сначала левой рукой, а потом, замешкавшись, сунул список состава в карман куртки и всё же отдал честь правой.

– Эх, наслужимся мы с этим командиром! – высказался Гроз.

– Да ладно тебе, Руслик, растерялся пацан. Чего не бывает, – попытался разрядить ситуацию Серёга Мэтр.

Чалый молчал, хотя ему тоже было что сказать в унисон Грозу, так как, почитай, полночи слушал нытьё шептавшего прямо в ухо новоявленного комвзвода о том, что «Россия неправильно сделала, что послала нас сюда, и мы теперь оккупанты», что «под Мариуполем пипец, замес и трупы штабелями», что «местное население нас проклянёт», что «если и вернёмся, то не все...». Чалый не стал говорить ничего братве об этом, промолчал и в строю, решив пообщаться со взводным с глазу на глаз.

«Возможно, придётся бить морду, если сразу не уяснит, что дух командира прямо отражается на душевном подъёме или упадке личного состава», – думал про себя старый солдат.

Командир, нервно поправляя неудобно висевшую прямо на мошине кобуру пистолета, подошёл и объявил, что сейчас начнут раздавать патроны, гранаты, заряды к «морковкам» гранатомётов и прочую «хрень», которая в армии называется коротким словом БК (боекомплект).

* * *

К радости не только Могилы, но и всего проголодавшегося состава, появились полевые кухни, задымившие на всю округу, разнося аппетитные запахи солдатской горячей еды.

Поступил первый наряд, который поручили возглавить Чалому: выкопать окоп под очередной блокпост вдоль центральной улицы посёлка, у въезда в школьный двор. Сержант принял приказ под козырёк и отобрал в команду Серёгу Мэтра, Виталика Семёна, Руслана Грозу, Андрюху Кибало и, куда уж без него, Витю Могилу.

«Что за хрень такая: луганчане в этом селе почти неделю стояли, войдя вместе с россиянами, а никаких окопов, блиндажей или хотя бы элементарных постов со шлагбаумами так и не оставили? – с недоумением спрашивал себя Чалый. – Неужели так и сидели? Чего или кого ждали? А может, мы чего-то не знаем? Может, уже армия в Харькове и скоро конец войне? Не может быть, чтобы так быстро...» Он шагал, и рассуждения, роившиеся в голове, не вселяли оптимизма, однако вслух это говорить было категорически нельзя. Категорически!

– Вот, Могила, сейчас будет твой звёздный час, и ты всем нам продемонстрируешь свой непревзойдённый талант копателя и землероя, – весело заговорил сержант и хлопнул по-дружески по плечу Истомина.

Гроз не остался в стороне:

– Меня аж трясёт, жуть как хочу глянуть, как Витя за полтора часа сам за всех ямку выроет. А то я этой лопатой в очистном забое за свою молодую жизнь накидался так, что лучше бы отдохнул, пока Могила нам цирковой аттракцион показывает.

– Ты, Русланчик, за меня не бойсь. У меня с этим нема проблем. Но только когда мины полетят, то уж извини – место для тебя будет в последнюю очередь. Хотя так и быть, могилку тебе опосля я самолично выкопаю. Увидеть, однако, тебе этого уже не доведётся.

– Эх, Витя, мрачно шутишь, – не унимался Руслан. – Я росточком малой, и мне окопчик для себя рыть недолго. А если ты непустишь, то я к Андрюхе Бомбалелло занырну. Он вон какой пузатый! Там места таким, как я, ещё двоим хватит. Что, Андрюха,пустишь?

– Пустишь, когда штаны спустишь! – весело ответил Кибало, и вся группа дружно захохотала.

Работали весело и с настоящим огоньком, поочерёдно перекуривая и часто очищая лопаты от налипавшей земли и глины. Так учил и за этим строго следил «старший копатель» взвода, рядовой Виктор Истомин, по-наставнически показывая, как удобнее держать инструмент на разных стадиях углубления, и своим примером демонстрируя действительно непревзойдённое мастерство и высокую профессиональную квалификацию. К обеду работа была завершена, а принимавший объект российский советник Близнец тут же приказал сопровождавшему его комвзвода Диме составить список для поощрения за быстрое и добросовестное выполнение задания.

– Нам бы, товарищ подполковник, – вставил Гроз, – вместо поощрения сигарет или махорки какой. Ведь ещё в поезде всё закончилось, а в Белгороде гуманитарка не всем досталась.

– Хорошо, солдат, – тут же ответил советник, всегда ходивший в спортивной шапочке и гражданской чёрной куртке поверх военной формы, – этим займётся ваш командир взвода. – И, бросив приказной взгляд на Диму, отправился восвояси.

Народ синхронно повернул головы в сторону командира, на что тот только пожал плечами и развёл руками.

– Вот вам и благодарочка, как от барана ярочке, – пошутил Виталий Семионенко и, подобрав свою лопату, двинулся вслед за группой товарищей, устало зашагавшими в направлении полевой кухни...

Быстрее всех, естественно, затопал Могила, усталость с которого слетела вмиг, как только со стороны очереди за обедом послышалось волшебное слово «борщ».

* * *

В конце дня взводу была показана позиция на северо-западной окраине села, где предполагалось построить укрепления с окопами в полный рост, блиндажом под бетонным перекрытием, гнёздами-бойницами для пулемётов, выступами в траншеях для работы противотанковыми гранатомётами. Лопаты и ломы раздобыли в пустых хатах и брошенных дворах, где ко всему прочему провели расселение личного состава. Решили: чем ближе жилище к позиции, тем чаще можно будет менять дозоры на постах, а в случае внезапного нападения или наступления – как можно быстрее вступить в бой.

Ещё стояли морозы, и земля, особенно ночью и на окраине, в поле под метровой толщиной снега, не хотела сдаваться за здорово живёшь, сопротивляясь усилиям бойцов, терзавших почву штыковыми лопатами, ломами, топорами и разжигавших костры по контуру будущего

укрепления. Люди менялись каждый час, отогреваясь в занятых избах, где уже вовсю пылали угли в печах, возле которых можно было просушить стельки ботинок и запотевшие от работы бушлаты. Там же поили горячим чаем с откуда ни возьмись появившимся мёдом.

На том же рубеже кроме противотанкистов поставили по отдельному взводу снайперов и гранатомётчиков, собрав, таким образом, в одном месте чуть больше восьмидесяти человек на ширину обороны в километр.

К утру всё было выкопано. Не хватало лишь бетонного перекрытия над блиндажом. Этим вопросом занялся Петер, и вполне быстро на позиции появился какой-то импортный трактор на колёсах, притащивший за собой две дорожные плиты. Ещё день ушёл на затаскивание двух бетонных тяжестей поверх бруствера блиндажа, и уже с наступлением темноты внутри укрытия начали давать тепло две печки-буржуйки, что сразу же увеличило и количество личного состава в дозоре, и продолжительность его пребывания на посту.

* * *

Так в первых числах марта 2022 года в заснеженных полях Харьковщины началась и по своим законам потекла прифронтовая жизнь бойцов отдельного противотанкового взвода третьего батальона стрелкового полка мобрезерва Первого корпуса Народной милиции ДНР.

Уже который день всё сильнее разгорался адский огонь войны, пожиравший на своём пути всё, что ещё вчера казалось незыблемым и вечным, оставляя за собой опалённую землю и разорванные человеческие судьбы, как вызов всему живому, как вызов самому Богу, сотворившему жизнь. Отец наш, прости нам грехи наши тяжкие!

Никто не мог знать, что ожидало впереди этих вчера ещё мирных людей, одетых в военную форму и получивших в руки оружие. Не знал этого и рядовой Виктор Истомин с позывным Могила, вчерашний бездомный бродяга и маргинал, волей судьбы ставший воином Донбасса, получивший доброе признание равного среди равных в дружной семье боевых товарищей, с которыми предстояло уже в ближайшем будущем хлебнуть не только похлёбки из одного котелка...

Глава вторая

Друзья лейтенанта Рейнера и другие действующие лица

В первую же ночь после окончания сооружения оборонительного рубежа старшим первой смены был назначен Чалый, в команду которого определили по четыре человека из трёх отдельных взводов. Старый солдат сразу же каждому указал боевое место, объяснив порядок действий в случае какой-нибудь «войнушки». Это оказалось очень кстати, когда уже через пару часов на позицию прибыл Близнец, на левой скуле которого белел лейкопластырь, еле закрывавший расплывшийся и уже изрядно потемневший синяк.

– К бою! – смешно выскочив из кабины синего «москвича-каблучка», завизжал советник с подбитой рожей.

– Блокпост, к бою! Занять позиции согласно расписанию! – жёстко скомандовал в свою очередь Чалый и сам же бросился к гранатомёту.

Через мгновение командир батальона Фесенко вслед за Близнецом спустился в укрытие и прошёл по всей позиции, одобрительно похлопывая по спинам бойцов, занявших боевые стойки бульдогов в готовности открыть огонь на поражение предполагаемого противника.

– Отлично! Просто молодцы! – прокричал Близнец и тут же добавил: – Всем медали! Буквально всем по медали! Представить список к награждению.

– Служим Донецкой Народной Республике! – за всех бодро ответил Чалый.

– Воевали? – задал вопрос командир батальона.

– Так точно! В Первой Гвардейской Славянской бригаде, три контракта, – отчеканил сержант.

– Запомни его, – повернулся Близнец к майору, – он нам завтра будет нужен.

Чалый как бывалый гвардеец ничего хорошего в этих словах для себя не услышал, а лишь мысленно с досадой заключил: «Кто везёт, на том и возят. И чего я тут выдрючивался?»

* * *

Утром командир Дима, стыдливо отводя глаза в сторону, объявил Чалому, едва сменившемуся с поста, что тот по приказу комбата и указанию комполка убывает в составе сводной группы из шести человек ближе к переднему краю, на элеватор, где расположены наблюдательный пункт и центр оперативной связи командования ударной армии союзников.

Нагрузившись оружием, боекомплект, суточным провиантом и баклажками с водой, отряд из шести бойцов, включая сержанта, выдвинулся пешком к указанной точке. Уже через три километра пути по разбитой гусеницами и воронками дороге парни не на шутку начали материть командиров, «катающих свои задницы на отжатых машинах» и «забивших на простого солдата, навьюченного, как верблюд, и вынужденного так топтать от позиции к позиции».

Протащившись ещё столько же, миновав российский блокпост, команда вошла на территорию элеватора, с облегчением скинув с себя тяжести. Чалый попросил показать старшего. Увидев в группе офицеров нужного майора, подошёл и доложил по всем правилам о прибытии.

– Здравия желаю! Майор Ксенофонов, Тигр, – представился в ответ невысокого роста, гимнастического сложения офицер.

Серый «стеклянный» взгляд его говорил, что война сидит у него прямо в печёнках и не первый год.

Чалый тут же получил вопрос от Тигра:

– Задачу свою знаете?
– Прошу уточнить, товарищ майор.
– Задачу уточнит Кострома, то есть лейтенант Рейнер, к которому вас проводят. От себя скажу лишь одно: от вас зависит жизнь моего батальона. Вам понятно, сержант?
– Так точно. Разрешите продолжить движение до позиции?
Только тут майор, которому, по всей видимости, было не более лет тридцати пяти, протянул руку Чалому и, крепко пожав её, добавил:
– Спасибо, отец. Приступайте.

* * *

– Георгий, он же Гоша, он же Гога, он же Жора, – улыбаясь толстыми румяными щеками, шутя, представился молодой лейтенант и, протянув обветренную и покрытую плотной копотью руку, пригласил Чалого с компанией присесть прямо на палеты, расставленные вокруг палящего жаром костра.

– Мы тут сборная солянка, – подбрасывая щепки в огонь, начал он неторопливо. – Я из-под Питера, из Гвардейской мотострелковой бригады. Арсений с Русланом из Таманской дивизии. Валентин – из Кантемировской. Вовка с Артёмом из моей части, но из другого батальона.

Чалый оживился, когда услышал название дивизии, в которой служил ещё мальчишкой в начале 80-х годов.

– Я срочную в Таманской проходил, противотанкистом на «Рапире», – и тут же протянул поочерёдно руку Арсению и Руслану. – Чалый – мой позывной, зовут Альберт Асфанович, но это для командиров и студентов.

– Вы кто по национальности? – спросил смугловатый кареглазый паренёк, которого Рейнер представил как Руслана.

Даже короткая солдатская стрижка не могла скрыть изрядную природную кучерявость этого юного брюнета.

– Татарин. А что?

– Так и я из Татарстана. Из Булгара. Знаете?

– Ничек белмим? Туган як бит ул, – ответил Чалый и широко заулыбался, надеясь услышать от Руслана такую же родную речь.

– Ой, вы извините, но я не понимаю языка. Мы туда переехали из Туркмении лет пять назад, и ни я, ни сёстры так и не научились татарскому. Родители говорят, конечно.

Старый солдат не удивился и не стал досадовать, просто перевёл только что сказанное им на русский язык:

– Как не знать? Это же моя родина!

– У меня ротный был из Казани, – вдруг включился в начавшийся разговор лейтенант Рейнер. – Ринатом звали. Мировой мужик. Танковое училище оканчивал у вас там. Говорил, что в этой танковой школе немецкий фельдмаршал Гудериан стажировку проходил в тридцатых годах. Это правда? – Георгий с вопросом поднял взгляд на Чалого.

– Да, правда. А почему о таком хорошем командире в прошлом времени?

Наступила пауза.

– Убили его... 24 февраля. Тридцать километров до Харькова наша колонна не дошла. Он с комбригом в авангарде среди первых шёл. Командир бригады жив... Говорят, что жив... С остатками роты управления окопался на высотах восточнее Харькова и координирует нашу артиллерию и ракетчиков.

– А как же «стремительный удар»? А разгромленная авиация ВСУ? А что там президент говорил про то, что в плен брать не будем и пусть, мол, украинские военные идут домой к жёнам? – опередил Чалого вопросом встревоженный Андрюха Кибало, который сам напро-

сился к старому солдату в группу, к удивлению оставшихся бойцов, пригrevших в посёлке тёплые спальные места у печек.

– Ага! – послышался резкий насмешливый возглас из-за спины Рейнера, откуда выглянуло веснушчатое лицо пулемётчика Валентина, покрытое многодневной сажей от костра, к которому по мере общего разговора местная братва несколько раз обратилась с позывным Француз. – Нам такие песни пели забавные наши отцы-командиры: мол, позавтракаем в Харькове, пообедаем в Киеве, а утром – парад на Крещатике...

– Вот-вот, – поддержал сарказм Валентина Арсений, задумчиво рассматривавший горящие головёшки в глубине костра, – и пообедали, и позавтракали, и «парадным строем» прямо в этот элеватор пришли. Вот уже вторую неделю тут сводным батальоном сидим, связь, рембазу и наблюдательный пункт караулим.

Неожиданный душераздирающий свист пролетевшей мины заставил Чалого и пацанов его группы броситься ничком на бетонный пол во все стороны от костра, что вызвало дружный смех хозяев, оставшихся на местах. После свиста никакого взрыва или даже хлопка не последовало, и до Чалого наконец дошло, что сработала сигнальная ловушка из тех, которыми обязательно обкладывают периметры охраняемых объектов. Отряхнувшись от пыли и налипшего снега, бойцы снова расселись вокруг костра, и тут же раздался оглушительно-резкий звук разорвавшейся мины. Парни снова бросились на землю, и вновь раздалось дружное ржание российских солдат и лейтенанта Георгия Рейнера.

– Да это самоликвидатор сработал на мине. Привыкайте. Они тут постоянно неожиданно взрываются, через двадцать четыре часа каждая. Без осколков, естественно.

– Так предупреждать же надо! – заново отряхивая куртку и штаны, обиженно и с нескрываемой досадой возмутился Виталий Семионенко, которого также не пришлось уговаривать идти в группе Чалого. – Эдак и обосраться можно невзначай...

И тут уже эхом по бывшим цехам некогда огромного элеватора волнами разлился многоголосый смех всех собравшихся у очага солдат.

– А вы, пацаны, откуда сами-то будете? – задал вопрос всем пришедшим бойцам остроносый и щербатый на один передний верхний зуб Вовка из бригады Рейнера. – Мы слышали, что белгородских добровольцев на днях целый полк завезли в Отрадное. Не про вас ли разговор шёл?

– Нет, мы из Донецка. То есть из Донецкой Народной Республики, – ответил за всех Руслан Гроз, успевший настрелять целую кепку сигарет и папирос, пока шло шапочное знакомство.

– Странно... Странно, что про вас ничего нам не сказали, – проговорил Гоша Рейнер, задумчиво всматриваясь в огонь костра. – Про кого-кого, а вот про вас уж должны были сообщить в первую очередь, ведь весь сыр-бор из-за ЛДПР...

– А нас тут вообще нет! – с нескрываемой досадой вскрикнул Андрюха Бомбалелло и, ударив вязаной шапкой о колено, резко, глядя почему-то с вызовом прямо в глаза Рейнеру, добавил: – Мы въехали в Россию инкогнито

целым полком, выехали из неё так же инкогнито на броне танков, никому не показывая своих паспортов, которых у двух третей просто нет... Нас почему-то даже союзники принимают за тех, кого тут нет... А может быть, что это нас тут нет? Нас нет в Донецке, нас нет под Харьковом, возможно, что также нет наших ребят под Киевом, Сумами, Черниговом, Херсоном, Николаевом, Запорожьем. Нас нет там, их нет тут, но мы есть, и они есть... Знаете, кто мы такие для наших властей в Донецке?

Парни возле костра почти синхронно, как послушная паства на проповеди, подняли головы в ожидании той самой тайны, которая, возможно, для них только сейчас станет открытием...

– Мы – «ихтамнеты»! И знаете ещё, почему? А я скажу...

– Да ладно уж, не надо, Андрюха, – пытался успокоить молодого бойца Чалый.

– А почему не сказать? – он набрал воздуха в лёгкие (лучший способ подавить волнение) и продолжил: – Я спросил замначштаба нашего третьего батальона, как будут доставлять груз-200, если что-то случится.

– И что тебе ответил этот старый боров? – поинтересовался Семионенко.

– Так и сказал, что будут хоронить под номерками, а после войны выгребут и перезахоронят. А сейчас, мол, не до этих сантиментов...

– А мне по хрену, где меня закопают! Чего от этого плакать? – с усмешкой махнул рукой Виталик.

– Мне не по хрену! – резко ответил Андрюха. – Меня мама в сорок один год родила, и ребёнок у неё только я один. Да я в могиле вертеться не перестану, пока она меня искать будет. Не по-человечески они с нами как-то, не по-людски...

* * *

Элеватор, стоявший на заметной высоте, в шести километрах от посёлка Отрадное, действительно был огромным, и каждая сторона квадратного периметра тянулась не менее чем на пятьсот метров. Две огромные башни, не уступающие городским двенадцатизаткам, вытянулись вверх и соединялись многооконным переходом почти на самой высоте. Всё это могло бы слегка напоминать Лондонский мост через Темзу, если бы вокруг основания башен не стояли чудом сохранившиеся цеха с пробитыми крышами, рваными стеклянными «ранами» в окнах, болтающимися разносортными проводами и кабелем вдоль стен. Все ворота, как ни странно, висели на своих местах, издавая жуткий скрип царапающего железа, когда резким порывом мартовского степного ветра приходили в движение. Внутри цехов, оборудованных транспортёрными лентами, царил бедлам: кучи битого шифера и стекла, разбросанные трубы и остатки разнообразного оборудования. В западной части элеватора, в остатках его основного цеха, и разместились начальник караула наблюдательного пункта ударной армии гвардии лейтенант Георгий Рейнер и группа солдат-контрактников, собранных, как лоскутное одеяло, из разных частей и подразделений, от Питера до Урала.

Кроме группы Рейнера на крышах, продуваемых страшными свистящими мартовскими сквозняками, как зоркие глаза, располагались снайперы, к которым и отправились на посты бойцы отдельного снайперского взвода, пришедшие вместе с Чалым из Отрадного. Сержант так и не успел с ними познакомиться поближе, удовлетворившись тем, что они сами его знали достаточно хорошо. Поднявшись в сопровождении Арсения наверх, парни открыли для себя, что кроме двух башен и разбитых цехов внизу на земле размещены два широких длинных бетонных ангара (очевидно, для хранения зерна или удобрений), контрольные грузовые весы под намётом, некогда служившие выездными воротами с элеватора, а сейчас – укрытием для командно-штабной машины, из которой и велось то самое координирование войсками группировки. Одноэтажное административное здание с двумя входами-выходами, вокруг которого, как мелкие букашки, сновали туда-сюда «зелёные человечки», служило штабом сводного тактического мотострелкового батальона под командованием того самого майора Ксенофонтова.

По четырём углам элеватора располагались огневые точки, укреплённые мешками с песком и землёй, а также толстыми бумажными куль-пакетами по пятьдесят килограммов, набитыми импортными фиолетовыми семенами подсолнуха и розовыми зёрнами кукурузы. Иностранное происхождение содержимого было указано на самих пакетах и лишний раз подтверждало тезис, что западным хозяевам Украины будущее этой страны, как и её сельских угодий было, как говорится, «до фонаря».

– С таким зерном можно получить огромный урожай, раза в два больше обычного, но только два года кряду, а потом земельку можно списывать навсегда, – сказал как-то в разговоре российский контрактник Сашка-снайпер из Уфы.

Как оказалось, после Второй чеченской кампании Сашка умудрился недолго поработать на земле в родной Башкирии, но армия взяла верх, когда жена неожиданно обеспечила пополнение личного состава семьи старшего сержанта Хотина Александра Ивановича. На Украину он поехал, не сомневаясь ни в себе, ни в успехе спецоперации.

Упаковок с «суперсеменами» было достаточно, чтобы ими не только укрепить огневые гнёзда, но и разбросать их под спальные места на бетонных полах продуваемых цехов. Сверху плотно сведённые кули-пакеты накрывались плащ-накидками, на которые люди укладывались, предварительно упаковавшись в спальные мешки, сохранявшие тепло даже при тридцати градусах мороза. Когда рядом полыхает незатухающий костёр, жить можно. Спать тоже получается, правда, вдыхать носом морозный воздух – не сказать, что приятно. Главное – чтобы костёр не погас и спальный мешок (хотя бы один на двоих) был...

В группе Чалого спальников не оказалось. Их почему-то российский куратор с подбитым глазом решил передать в распоряжение отделения управления, которое обслуживало и охраняло его персону вместе с группой быстрого реагирования на всякие неожиданные выпады украинских диверсантов. Россияне не бросили ребят на произвол, заметив попутно, что штабных хомячков и тыловых крыс, обирающих солдат, надо расстреливать при первом появлении на подступах к передовой. А Руслан Гроз справедливо подчеркнул: «А в задницу им кол осиновый по самые, сука, гланды!»

* * *

Основным преимуществом элеватора, безусловно, была высота самого холма, позволявшая, находясь на вышках, наблюдать горизонт в хорошую оптику и в ясную погоду на расстоянии до тридцати километров. Пылающие и коптящие цеха харьковских заводов, расположенных на окраине миллионного города, снайперы и наблюдатели могли рассматривать постоянно, с утра до утра. Остальная прилегающая территория, пока лежал снег, была словно на ладони. Однако с быстрым весенним таянием возможности ухудшались, тем более что обеспечение тепловизорами и приборами ночного видения оставалось на весьма низком уровне, и тогда приходилось оборудовать ими лишь верхние посты, предоставляя бойцам внизу не очень эффективную альтернативу – прислушиваться и таращиться в бездонную темноту.

Говорить о хотя бы бытовых беспилотных аппаратах в войсках союзников для ведения круглосуточной видеоразведки было плохим тоном, и разговор всегда заканчивался примерно так: «Мультики, бл...ь, про супербомбы всему миру показывал, а собственную пехоту копеечной игрушкой снабдить не смог!» Кто показывал и кто не смог, народ понимал без излишних намёков.

Георгия Рейнера бесила такая беспечность командования не меньше остальных бойцов, но он не имел права раскисать и вёл себя более чем сдержанно, пытаясь достать в проезжавших мимо колоннах российских войск всё, что могло как-то облегчить службу вверенного ему сводного подразделения. Не раз он доставал переносные рации, а однажды приволок пару запечатанных спальных мешков, почти ежедневно приносил десятками суточные пайки и, наконец, всем на радость, широко улыбаясь пухлыми румяными щеками и озорным прищуром голубых глаз, вытащил из-за пазухи прибор ночного видения в картонной упаковке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.